

Иван Оченков

СТРЕЛОК ПУТЬ В ТУРКЕСТАН

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Иван Валерьевич Оченков
Стрелок. Путь в Туркестан
Серия «Военная фантастика (АСТ)»
Серия «Стрелок», книга 3

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63346156

*Стрелок. Путь в Туркестан: Издательство АСТ; Издательский дом
«Ленинград»; М.; 2020
ISBN 978-5-17-134141-1*

Аннотация

Вся Средняя Азия покорилась русскому оружию и только в труднодоступном Ахал-Текинском оазисе не торопятся признавать власть русского царя. Годом ранее экспедиция генерала Ломакина окончилась оглушительным провалом, и теперь только не знавший до сих пор поражений Скобелев может исправить ситуацию. Прославленный Белый генерал собирает войска на границе Империи, чтобы одним ударом покончить с разбойничьим анклавом. А среди множества солдат и офицеров находится наш современник, волею судьбы попавший в прошлое и теперь пытающийся выжить в чужом для него мире.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

114

Иван Валерьевич Оченков

Стрелок. Путь в Туркестан

© Иван Оченков, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Нет для русской деревни большей беды, нежели приезд начальства, будь то княжеский тиун, царев дьяк или чиновник императора. Так было всегда и пребудет вовеки, покуда стоит сей мир, ибо ничего хорошего от этого «крапивного семени»¹ исходить не может, окромя сплошной пакости. И даже когда Государь-Освободитель в неизбывной своей милости соизволил российское крестьянство от крепости освободить, то и тогда эти «чернильные души» ухитрились подлинный манифест от народа скрыть, а вместо него подложный подсунули². Да такой, что настоящей воли теперь разве только внуки ныне живущих попробуют, и то навряд ли.

Так что когда будищевские мальчишки увидали, что по разбитой дороге к ним катит пара экипажей, причем впереди коляска станového, то столбенеть не стали и напрямки броси-

¹ *Крапивное семя* – так русские крестьяне называли чиновников и судейских.

² Ходили такие слухи. Уж больно «щедр» оказался манифест к освобожденным.

лись домой. Упредить, значит. Потому как у пристава дрожки приметные, да и сам он мужчина видный – косая сажень в плечах, да кулаки разве что чуть меньшие, чем у старосты самовар. Начальство, понимать надо!

Люди-то как узнали, кто едет, поначалу всполошились, особенно бабы, и ну голосить! А чего кричать, разве этих супостатов криком умаслишь? Но у баб, известное дело, глаза на мокром месте и им от Бога так заповедано, выть не по делу. Мужики-то они, ежу понятно, разумом покрепче. Сразу смекнули, что за недоимки их сегодня пороть не будут, потому как в таком разе одним приставом не обошлось бы. Было бы ещё хоть пяток стражников, ну или на худой конец солдат.

– Здорово, православные! – зычно крикнул становой, едва только коляска остановилась.

– Здравы будьте, ваше благородие, – хмуро пробубнили селяне, снимая шапки.

Следом за полицейским на землю спустился местный священник и какой-то сморчок в чиновничьем пальто и фуражке с наушниками. Впрочем, за могутными фигурами отца Питирима и пристава его поначалу и не заметили. А зря, от таких самое зло и бывает!

– Благословите, батюшка! – сунулся вперед староста Кузьма.

– Бог благословит! – прогудел в ответ поп и осенил толпу крестным знаменем.

– Значит так, мужики! – сразу взял быка за рога становой. – Я вам, сукиным детям, уже не раз говаривал, что свято место пусто не бывает, а потому слушайте, что вам господин титулярный советник прочитает!

Тщедушный чиновник сначала вытащил из кармана пальто клетчатый платок и принялся долго и со вкусом высмаркиваться. Покончив с этим делом, он вытащил из видавшего виды портфеля какую-то бумагу, развернул её и принялся зачитывать. Но делал это таким гнусавым голосом, что, похоже, его даже стоящие рядом полицейский со священником не поняли. Но те хоть знали, в чём там дело, а вот селяне нутром почуяли беду. И, как оказалось, предчувствие их не обмануло.

– В общем, так, – рыкнул для самых непонятливых пристав. – Вот новый владелец блудовского имения. Которому вы, чертовы перечницы, стало быть, временнообязанные.

Внимание селян переключилось на второй экипаж, из которого ловко выскочил молодой человек, одетый по-господски, после чего помог выбраться своим спутницам – красивой молодой барыньке в большой шляпе с пером и молоденькой девушке, одетой по-городскому, но с платком на голове.

– Ну вот, Гедвига Генриховна, – немного шутовски поклонился он первой. – Это и есть наши владения!

Та немного растерянно озирала окрестности и толпящихся мужиков, но пока что не проронила ни слова и лишь осторожно переступала по земле, стараясь не испачкать изящных

сапожек. Что же касается нового владельца поместья, то он, без тени улыбки посмотрев на сельчан, щелчком сбил на за-тылок котелок и только после этого произнес:

– Здорово, что ли, земляки.

– Митька! – растерянно выдохнул кто-то из мужиков. – Не отвела, значит, беду Царица Небесная!

– Цыть ты, анцыбал!³ – ругнулся на него Кузьма и с поклоном подошел к бывшему односельчанину. – Здравы будьте, Дмитрий Николаевич. А мы уж вас заждались...

– Я вижу, – скривил губы в улыбке Будищев, но глаза его остались холодными.

Вообще-то у него не было ни одной причины хорошо относиться к бывшим односельчанам. Когда почти три года назад он оказался здесь, деревенские относились к нему с откровенной враждебностью и плохо скрытым презрением. Собственно, и за своего его признали лишь с одной целью – отдать в рекруты вместо вытянувшего жребий⁴ полного тезки. В армию Дмитрию не хотелось, тем более что в своем времени он успел в ней отслужить и даже немного повоевать. Да, именно «в своем времени», поскольку до всех этих событий он жил в XXI веке и даже не предполагал, что ему придется пойти на очередную русско-турецкую войну «осво-

³ *Анцыбал* – разновидность чёрта.

⁴ Поскольку лиц призывного возраста в те времена было куда больше, чем требовалось, на службу призывали по жребию. Те, кому «посчастливилось», отправлялись в войска, а остальные автоматически зачислялись в ополчение.

бождать Балканы от османского ига».

В общем, Митька-дурачок, как окрестили его в селе, попытался сбежать, но мужики его поймали, избили и сдали на сборный пункт связанного. Но, как ни странно, молодой человек вписался в военный коллектив, проявил на войне храбрость и солдатскую смекалку, а также редкую удачливость, свидетельством чему стали четыре знака отличия военного ордена, или в просторечии «Георгиевских креста». После войны его комиссовали по ранению, и он уж было думал, что никогда более не увидит эти места, но выяснилось, что человек, за которого его все принимали, оказался незаконнорожденным сыном здешнего помещика Блудова, который упомянул его в завещании. И когда остальные наследники скончались, Дмитрий Будищев оказался единственным владельцем имения.

– Это хорошо, любезный Дмитрий Николаевич, – объяснил ему стряпчий в Рыбинске, – что вы, сударь мой, находитесь в купеческом звании. Ныне, слава богу, не прежние времена, когда владеть землёю дозволялось лишь дворянам. Нет, вы не подумайте, конечно же, правила эти обходили, но, сами понимаете... трудно-с!

– Трудно или дорого? – переспросил новоявленный помещик.

– Вот именно-с, – улыбнулся собеседник и продолжил объяснения: – Теперь же никаких препятствий нет. Вы можете владеть, закладывать, перепродавать, в общем, распо-

ряться по своему усмотрению. Вы, кстати, как собираетесь поступить?

– Пока не решил, – дипломатично ответил Будищев.

– Вот и правильно-с! – поддержал его стряпчий. – Надо было вам знать, что некоторые из здешних помещиков проявляли интерес к вашим землям. В частности, князь Ухтомский изволил интересоваться.

– Это здешний предводитель коман... то есть дворянства? – поинтересовался Дмитрий, с трудом удержавшись от шуточки.

– А вы знакомы?

– Встречались, – неопределенно отозвался Будищев, не став пояснять, что князь был председателем комиссии, призванной решить, не является ли он сумасшедшим.

– Весьма полезное знакомство! Но знайте, никто из местных помещиков вам настоящей цены не даст.

– Почему?

– Да потому, что хозяйство вести они по большей части не умеют, да и не хотят, а земли предпочитают закладывать в банк и жить на проценты. Посему денег у них нет и никогда не будет.

– А купцы?

– Купцы – другое дело. Они могут и дать, если прибыль почуют. Но, конечно же, попытаются вас надуть. Так что держите ухо востро.

– Благодарю за совет. Кстати, а много ли у меня земли? А

то я толком и не понял, пока перечисляли.

– Ничего удивительного, так уж у нас документы составляют, что людям без привычки они кажутся китайской грамотой. Но на самом деле, все не так уж и сложно. Итак, до реформы ваш покойный родитель имел село Будищево на двадцать шесть дворов. Девять дворов в соседней деревеньке Мякиши и шесть в Климовке. Итого сорок один двор или сто семьдесят ревизских душ мужеского пола, которые обрабатывали ни много ни мало, а три тысячи десятин земли. Из них две тысячи пахотной, шестьсот десятин леса, а остальное луга и неудобья, которые, впрочем, тоже использовались под пастбища.

После освобождения семьсот тридцать восемь десятин земли перешло в пользование крестьян, за которые из казны было выплачено «по справедливой оценке» двадцать тысяч рублей. От денег этих, скорее всего, ничего не осталось. Ваши сводные братья «постарались», а вот земля вся ваша. Прошу заметить, что пока имение было без присмотра, тамошние крестьяне пользовались в свое удовольствие и лугами и лесами. Так что вы, милостивый государь, коли будет такое желание, легко сможете их в эдакие штрафы загнать, что они, помяните моё слово, век не расплатятся.

– А кто управлял имением все эти годы?

– Некто Бастрькин Николай Евгеньевич. Отставной поручик, кажется.

– И где же его найти?

– Да кто же его знает, – усмехнулся стряпчий. – Сбежал, сукин сын. Лес продал да и сбежал с деньгами. Так что от древостоя на ваших землях мало что осталось. Кстати, именно по этой причине вам будет трудно получить хорошую цену за имение. Лес, он всегда в цене, а новый когда ещё вырастет.

– Вот оно, значит, как...

– Уж как есть.

В общем, наследство при ближайшем рассмотрении оказалось не таким уж и большим, но, с другой стороны, нечего кочевряжиться, бери, что дают!

Представив крестьянам нового помещика, становой с чиновником отправились напрямик к старосте, где для них накрыли стол, отобедать чем бог послал. Священник, понятное дело, тоже не отказался перекусить с дороги, а вот Будищев приглашение Кузьмы проигнорировал.

– А где же усадьба? – недоуменно спросила Гедвига Генриховна и вопросительно посмотрела на Дмитрия.

– Тут близко, – ухмыльнулся тот.

Тут, пожалуй, надо представить спутников нашего героя. Гедвига Генриховна Берг ещё недавно была довольно популярной в Петербурге модисткой и имела собственную мастерскую по пошиву женского платья. Впрочем, несколько раньше в черте оседлости её знали как Гесю Барнес, мещанку города Бердичева, иудейского вероисповедания.

Чтобы добиться нынешнего положения, ей пришлось че-

рез многое пройти и многим пожертвовать. С Будищевым они познакомились на войне, куда она сбежала вслед за своим возлюбленным и поступила в военный госпиталь сестрой милосердия. Увы, предмет её обожания пал в боях за освобождение Балкан, а несчастная девушка осталась совсем одна. Слава богу, нашлись добрые люди, помогшие выправить ей документы и снабдившие средствами на первое время.

Случайно встретившись после войны, они вскоре близко сошлись и вот уже почти месяц жили как муж и жена, правда, невенчаные. Отсутствие свидетельства о заключении таинства брака, конечно же, представляло известные неудобства⁵, но Дмитрий не обращал на них никакого внимания, а Гесе приходилось терпеть.

Вторая девушка была в своем роде ничуть не менее примечательной особой. Звали её Степанидой Филипповой или попросту Стешей, и происходила она из мастеровых. Сословие это, ещё совсем недавно крайне немногочисленное, в последнее время растет как на дрожжах, принимая в свои ряды наиболее обездоленных крестьян, бросивших землю и подавшихся в города в поисках заработка. Многие вполне заслуженно полагают «мастеровщину» отбросами общества, склонными к пьянству, буйству и всяческим беспорядкам, однако отец Стеша был человеком степенным и принадлежал к так называемой «рабочей аристократии». Аким Степа-

⁵ Например, могли отказать в заселении в один номер сколько-нибудь приличной гостиницы.

нович служил машинистом парового молота и получал весьма высокое по его положению жалованье, а также имел свой дом, в котором сдавал угол Дмитрию, когда тот только перебрался в Петербург.

И все было бы хорошо, если бы в один далеко не прекрасный вечер любимая дочка не угодила под экипаж лихача. Её, слава богу, спасли, но старик вздумал «искать правду» и вскоре на свою беду нашел. Кончилось это плохо. Избитый до полусмерти машинист через несколько дней умер, а Стеша едва не лишилась рассудка от горя. Тогда Будищев взял на себя заботу о сироте и с тех пор они не расставались⁶.

От роду Степаниде было всего шестнадцать лет, так что можно без преувеличения сказать, что девушка вступала в пору своего расцвета. Чуть ниже среднего роста, худощавая, но вместе с тем весьма недурно сложенная, она привлекала внимание своей природной грацией и той внутренней чистотой, которую теперь не часто встретишь в девицах её возраста. Впечатление немного портила короткая стрижка – память о злосчастном происшествии, когда спасавший её доктор безжалостно отрезал роскошную светло-русую косу. Именно поэтому на людях она куталась в платок, отчего незнакомые с их историей люди нередко принимали её за служанку. Сам же Дмитрий относился к ней скорее как к младшей сестренке и всячески опекал, а та платила ему в ответ искренней привязанностью, какой редко одаривают

⁶ Подробнее историю Геси и Стеши можно узнать в предыдущих книгах цикла.

даже родственников.

На козлах рядом с кучером сидел паренек тринадцати лет, можно сказать, ещё один член их странной компании или семьи. Звали его Сёмка, и он был учеником в гальванической мастерской Будищева. С детских лет он был влюблен в Стешу, отчего их даже дразнили женихом и невестой. Девушка иной раз подыгрывала ему, но она была старше, взрослее, и, возможно поэтому, мальчишеские чувства оставались безответными. Но все эти обстоятельства совершенно не мешали им ладить между собой.

Как выяснилось, Дмитрий не обманул Гесю и помещицья усадьба оказалась не так уж и далеко от деревни. Впрочем, «дворянским гнездом» эти строения назвать было трудно. Когда-то здесь действительно стоял барский дом с флигелем и многочисленными службами, в которых кипела жизнь. Отставной капитан-лейтенант Блулов слыл хлебосольным хозяином и даже в некотором роде театралом. Нет, своего крепостного театра у него не было, но кое-какие представления для увеселения соседей он устраивал. Кончилось это тем, что однажды поместье загорелось. Теперь трудно сказать, было ли это следствием неосторожного обращения с огнем, или же крестьяне просто устали от причуд своего барина и пустили ему «красного петуха».

Как бы то ни было, от большинства строений осталась лишь куча обгорелых бревен. Лишившийся большей части имущества помещик перебрался в чудом уцелевший фли-

гель, рядом с которым наскоро возвели каретный сарай и пару амбаров. Произведенное следствие не нашло никаких улик, но обозлившийся на весь мир дворянин упорно указывал на своих крепостных и добился-таки, что несколько семей было сослано в Сибирь⁷, вследствие чего и без того не слишком богатое имение пришло в окончательный упадок. Впрочем, старый барин давно умер, сыновья его, занятые службой, в этих краях появлялись редко, а назначенному ими управляющему и такого жилья было довольно.

На потемневшей от времени двери висел совершенно несуразного размера амбарный замок, покрытый многолетним слоем ржавчины. Так что, хотя Будищеву и вручили ключ от этого чуда механической мысли, открывать сразу он его не стал.

– Сёмка, ну-ка тащи сюда инструменты и масленку не забудь!

– Бегу! – отозвался мальчишка и, кубарем скатившись с козел, быстро доставил своему наставнику требуемое.

Ещё через пару минут замок был очищен и смазан, после чего увесистый ключ неожиданно легко провернулся и с легким щелчком открылся.

– Прошу! – пригласил своих спутников Дмитрий, отворив безбожно скрипящую дверь.

Внутри дома царил полумрак и затхлый запах сырости.

⁷ Помещики имели право ссылать своих крепостных в Сибирь без объявления причин.

Немногочисленная мебель была покрыта толстым слоем пыли, и вообще вид у усадьбы был нежилой и мрачный. Некоторое время новоявленные владельцы растерянно озирали привалившее им счастье, пока нанятый в Рыбинске кучер не разрушил очарование момента.

– Ну что, барин, прикажете сгружать? – хриплым голосом осведомился он.

– Вали кулем, потом разберем! – с коротким смешком махнул рукой Будищев.

– Попрошу аккуратнее! – тут же строго вмешалась Гедвига Генриховна, и работа закипела.

Вещей, впрочем, было не слишком много. Саквояж главы семейства, узелок Сёмки, сундучок Стеши, а также два больших чемодана, кофр и три шляпных коробки госпожи Берг. Плюс большая корзина с продуктами на всех.

– Извольте расплатиться, – с поклоном попросил извозчик, покончив с грузами.

– Стеша, зайка, достань из внутреннего кармана бумажник, а то у меня руки грязные, – обратился к девушке Дмитрий, не заметив, как сверкнули глаза Геси. – И дай человеку красненькую⁸.

– Примите, пожалуйста, – протянула девушка кредитный билет, тут же исчезнувший в широкой ладони труженика кнута и копыт.

– Добавить бы, ваше благородие! – просительно просипел

⁸ Банкнота в десять рублей была красного цвета.

обрадованный такой щедростью кучер.

Этого Гедвига Генриховна стерпеть уже никак не могла и решительно вклинилась между ними.

– Кажется, вам и без того заплатили больше, чем было условлено! – не терпящим возражений голосом заявила она.

– Так овес нынче-то... – начал было привычную волюнку извозчик, но встретившись с глазами прекрасной дочери многострадального еврейского народа, мгновенно всё понял и поспешно вернулся на козлы.

– Благодарствую, ваши благородия! – прокричал он им на прощанье, щелкнув кнутом. – Счастливо оставаться. Будете в Рыбинске, только кликнете, меня там каждая собака знает!

– Дмитрий, нам нужно серьезно поговорить! – строго сдвинула брови Геся.

– Да пожалуйста, – весело отозвался тот, по природной легкомысленности не осознав ещё всей важности момента.

– Ты слишком легкомысленно относишься к *нашим* деньгам!

– О чём ты? – искренне удивился молодой человек.

– Я совершенно точно помню, что с кучером уговаривались на восемь рублей с полтиной!

– Ах вот ты про что, – отмахнулся было Будищев, но заметив выражение лица своей ненаглядной, попробовал всё-таки пойти на попятный: – Да ладно тебе! Старался же человек, колесил вслед за становым по округе...

– Бог мой, разве я против! – всплеснула руками девуш-

ка. – Ну и дал бы ему двугривенный сверху, но не полтора же рубля! Эдак мы все скоро все по миру пойдем...

– Ну, хорошо, – вынужден был согласиться Дмитрий. – Пожалуй, с чаевыми я переборщил.

– Может быть, лучше я буду распоряжаться средствами? – вопросительно прикусила губу всё ещё мадемуазель Берг⁹.

И тут её избранник совершил уже совершенно непростительную бестактность.

– Да я и так тебе почти всю мелочь отдал. У меня потому меньше и не было...

– Ты хочешь сказать, что это я во всем виновата?!

Пока «молодожены» выясняли отношения, Стеша с Семёном принялись за наведение порядка, стараясь, пока не миновала гроза, как можно меньше попадаться на глаза своим старшим товарищам.

– Сёмушка, я во дворе колодец видела, пойдем, посмотрим, можно ли воды набрать?

– Ага.

– И веток надо наломать, чтобы хоть худой голик сделать¹⁰.

– Я сейчас, – послушно отозвался мальчик, но не тронулся с места.

– Ну что же ты?

⁹ *Мадемуазель* – обращение к незамужней девушке. Будь они венчаны, Геся стала бы мадам Будищевой.

¹⁰ *Голик* – веник.

– Стеш, – неуверенно протянул парень, – а чего она?

– О ком ты?

– Ну, о Гедвиге...

– Не наше дело! – строго отозвалась та. – Милые бранятся, только тешатся. Теперь поругаются, потом помируются, а ты не встревай, уши целее будут!

– Ага. Знаю я, как они мирятся! На весь дом охи да ахи...

– Ах ты, охальник! – возмутилась Стеша и замахнулась на него: – Вот я тебе задам, будешь знать, как подслушивать!

Оробевший от такого всплеска эмоций Сёмка не стал искушать судьбу и бегом ринулся ломать ветки на голик. Ладонка у Степаниды была хоть и по-девичьи узкая, но крепкая. Да и на расправу «невеста» была скоро, это «женишок» хорошо помнил ещё по прежним временам. Но девушка, и, не подумав гнаться за мальчишкой, плавной походкой направилась к колодцу. Как ни странно, вороток на срубе был цел, так же как и веревка с привязанной к ней тяжелой деревянной бадьёй. Можно было набирать воду, но она не торопилась.

– Десять раз помируются, а каково на одиннадцатый будет? – задумалась Стеша и вздохнула.

Оставшись круглой сиротой, она всем сердцем привязалась к Дмитрию и искренне желала ему всего самого лучшего. Но вот будут ли они с Гесей счастливы? На этот счет были определенные сомнения.

Впрочем, «молодожены» и впрямь не могли долго ссо-

ряться. Надувшись друг на друга, они не разошлись по разным углам, а вместе взялись за наведение порядка, причем Гедвига Генриховна и сама трудилась не покладая рук, и другим спуску не давала. Первым делом отправились сушиться на улицу все матрасы, тюфяки и одеяла. Имевшееся в шкафах бельё следовало ещё и перестирать, чем тут же занялась Стеша. Вода, к сожалению, была только холодной, поскольку попытка развести огонь в печи с треском провалилась, и уборщикам пришлось бежать, спасаясь от наполнившего дом едкого дыма. Но, тем не менее, уже через несколько часов бывший флигель перестал напоминать склеп, хотя до настоящего барского дома ему по-прежнему было далеко.

– Всё, шабаш! – решил Будищев и устало вытер пот с лица. – Давайте сообразим что-нибудь перекусить и на боковую.

– Ага, – обрадованно подхватил Сёмка, – я уже страсть какой голодный!

– Тебе бы только пожрать! – усмехнулся наставник.

– Ну уж нет, – возразила Геся. – Давайте хотя бы в спальнях закончим. Не знаю как вы, а я в подобном свинарнике ночевать не намерена!

Услышав это, Семён застонал, а на бледную после болезни Стешу и смотреть было страшно, но бывшая модистка неумолимо стояла на своем.

– Давай хоть чаю попьем! – взмолился Дмитрий, поняв, что переспорить её не удастся.

– Ну хорошо, – смилостивилась та. – Немного отдохнуть можно. Недолго!

– Я сейчас чайник поставлю, – подхватила Степанида и выбежала вон.

– А я огонь разведу, – метнулся за ней мальчишка, и новоявленные помещики остались одни.

– Ужасная грязь, – пожаловалась Геся, устало присаживаясь на лавку рядом с мужем. – Этот бывший управляющий мало того что вор, так ещё и редкостный мерзавец! Даже мебель чехлами не покрыл, когда уезжал. Если честно, не представляю, сколько времени ещё уйдет на наведение хоть какого-нибудь порядка.

– Глаза боятся, а руки делают, – философски отозвался Дмитрий, обнимая её. – Потом, ты же сама не захотела нанять местных на помощь.

– Нет уж, уволь, – покачала та головой. – Боюсь, от этих... грязи было бы ещё больше. Ты видел, как они живут?

– Я-то видел, а ты откуда можешь знать?

– А что тут знать! Домишки покосившиеся, у половины из них нет труб, стало быть, топят по-черному. Бань не видно. Солома на крышах гнилая, сами ходят в грязных рубахах...

– Типа, в ваших местечках все в крахмальных манишках шляются! – перебил её Будищев, немного обидевшись на такую характеристику бывших односельчан.

– Нет, конечно, – пожал плечами Геся. – Свинства везде хватает, а потому я трижды подумаю, прежде чем пустить

человека в свой дом. И не спорь, пожалуйста, это ведь теперь *наш* дом?

– Доброго вам вечера! – раздался чей-то певучий голос на дворе. – А где хозяйева?

– Здесь мы, – отозвался Дмитрий, выходя наружу.

– Здравствуйте, барин, – немного карикатурно поклонилась крепко сбитая селянка в цветастом платке, после чего прыснула от смеха. – Али не признали?

– Машка! – ахнул Будищев.

– Ага. Я вам поснедать принесла, а то, поди, отощали с дороги.

– Что бы мы без тебя делали!

– А пропали бы! – задорно засмеялась та.

– Ну, тогда проходи. Знакомься, это Геся – жена моя. Те, что во дворе, Сёмка с Стешей, пытаются воды нагреть. Только боюсь, скоро мы их не дождемся.

Увидев неожиданную гостью, Гедвига Генриховна подобралась и быстрым движением скинула с себя изрядно испачканный передник. После чего приветливо улыбнулась и кивнула.

– А эту славную девушку, душа моя, зовут Машенькой. Кстати, она племянница здешнего старосты.

– Скажете тоже, девушка, – смутилась крестьянка. – Я уж какой год замужем.

– Поужинаешь с нами?

– Не, я сытая.

– Тогда хоть чаю попей.

– Ну, только чтобы не обидеть...

Тем временем Геся настороженно посматривала на новую знакомую, затем, оценив сарафан и рубаху из домотканого полотна, босые ноги и простодушное выражение лица, немного успокоилась, но тут же вспыхнула, вспомнив, что и сама для уборки переделалась в самую простую юбку и кофточку и выглядит ничуть не лучше! Однако привести себя в порядок пока возможности не было, так что пришлось делать вид, что всё и так хорошо, благожелательно при этом улыбаясь.

– А вы, я смотрю, за уборку принялись, – продолжала тараторить Машка. – Ну, с тобой, Митька, то есть, Митрий Николаевич, всё понятно, а вот барыня ваша, это даже удивительно!

– Не люблю грязь, – пояснила Геся, которой польстило, что её назвали барыней.

– Да кто же её любит, окаянную! Ой, давайте я вам помогу...

Несмотря на все усилия порядком уставших Сёмки и Стеши, большой медный чайник вскоре закипел, и женщины принялись накрывать на стол. Угощение выдалось на славу. Закупленные в Рыбинске копчености, сыр и ситный хлеб перемежались с принесенными Машей картошкой, яйцами, зеленью и полной кринкой парного молока. Будищев тем временем лично заварил самого лучшего кяхтинского чая, от-

чего по всей округе пошел умопомрачительный аромат.

– Вот увидишь, Машка, – пообещал он, – ты ничего подобного не то что не пила, но даже не нюхала!

– Скажете тоже, – засмеялась молодуха, – где же мне было нюхать его? Я и в городе-то всего раза три бывала.

– Хватит прибедняться, лучше садись за стол.

– Ой, неудобно, – сконфузилась та. – Я уж как-нибудь в сторонке...

– Садитесь сюда, – мягко возразила Стеша и поставила на стол полный стакан чая в серебряном подстаканнике и подвинула миску с колотым сахаром и калач, щедро присыпанный маком.

Против такого искушения Маша не устояла и скромно присела на краешек скамьи, опасливо поглядывая на хозяев, как будто опасаясь подвоха. Те, проголодавшись с дороги, немедленно накинулись на разложенное вокруг богатство, и некоторое время был слышен только звук жующих челюстей и чавканье Сёмки.

– Какое прекрасное молоко, – похвалила Геся, вытирая губы уголком салфетки. – Скажи, э... Маша, а нельзя ли нам каждый день приносить такую же крынку? Мы заплатим.

– Чего же нельзя-то? Особенно если заплатите. Известное дело, где вам в городе хорошего молока взять.

– Вот и славно. Стеше, полагаю, тоже будет полезно.

– Конечно, полезно! Вон она у вас какая тощая, да бледная, краше в гроб кладут.

– Я просто немного устала, – вспыхнула девочка, и на глазах её блеснули слёзы.

– Ничего-ничего, откормим, – добродушно усмехнулся Дмитрий. – Принарядим, все женихи наши будут!

За столом воцарилось неловкое молчание, разве что Семён продолжал работать челюстями как ни в чём не бывало, время от времени запивая булку с колбасой чаем.

– Ой, я что-то не так сказала? – повинилась гостья. – Вы уж простите меня, дуру деревенскую!

– Ничего страшного, Маша. Лучше расскажи, как вы тут живете?

– А чего рассказывать? Слава богу, не голодаем. Даже в кусочки¹¹ нынешний год почти никто не ходил.

– Это хорошо. А про меня что мужики говорят?

– Сомневаются. Говорят, какой с тебя барин? Ты уж не серчай, а только нет у тебя ни виду, ни обхождения. Давно ли сам коров пас?

– Было дело, – ухмыльнулся Будищев.

– Опять же, прежний управляющий – господин Бастрыкин, перед тем как бежать, почитай всю господскую землю мужикам в аренду отдал из половины урожая. Пустой был человечиска, прости меня Господи, а напоследок доброе дело сделал. Только вот теперь хозяин новый. То есть ты. И чего теперь будет, непонятно. Вот мужики и сомневаются.

– Половина урожая – много! – покачала головой Геся. – А

¹¹ *Ходить в кусочки* – просить милостыню.

велики ли урожаи в ваших местах?

– Да где там, – согласилась крестьянка. – Сам два и то за счастье. Вот и боятся наши мужички, как бы «с таком» не остаться!

– Дмитрий не такой! – не выдержала Стеша. – Он простых людей не обижает.

– Эх, милая, кабы то наперед знать, – вздохнула Маша. – Вон у мужа моего дядя в Климовке. Прежде был человек как человек, а как богатеть начал, как будто подменили. Разговаривает через губу, сельчан сторонится, а уж коли ему в кабалу попадешь, так всю кровь выпьет, мироед! А богатства-то, если разобраться, с гулькин нос.

– Ладно, я тебя понял. Расскажи лучше, как сама живешь. Супруг не обижает?

– Гаврила-то? Ха, пусть только попробует! – задорно усмехнулась молодуха и отхлебнула из поданной ей чашки ароматный напиток. – Ой, и впрямь вкусно... да ещё с сахаром... не обманул, черт языкатый!

Когда проводили гостью, уже смеркалось и перед новыми владельцами во весь рост встал вопрос вечерней гигиены. Как ни странно, но бани в имении не было. Как обходился без неё управляющий, выяснить не удалось, но нынешним хозяевам пришлось греть воду всё на том же костре и мыться по очереди. Так что закончили с помывкой они уже глубокой ночью, после чего дружно завалились спать на успешших просохнуть простынях. Дети легли в большой комнате,

названной гостиной, и скоро притихли, только посапывая во сне. А вот «молодожены» заняли единственную спальню и ещё долго переговаривались, делясь друг с другом впечатлениями.

– Что скажешь, госпожа помещица? – тихонько спросил Дмитрий.

– Говоря по совести, – честно призналась Гесья, – я ожидала большего. Но для бедной сироты из местечка и это предел мечтаний.

– Я, в общем, тоже, – засмеялся Будищев. – Думал, буду выходить утром на балкон с чашкой кофею и покрикивать на работников: шевелитесь, сукины дети!

– Тише ты, детей разбудишь! – зашикала на него Гедвига.

– Да они спят как сурки, – отмахнулся тот. – Загоняла ты их сегодня!

– Ничего с ними не случится!

– Может и так, только не могла бы ты быть помягче, хотя бы к девочке. Даже Машка заметила, насколько та болезненно выглядит.

– На фоне твоей Машки, – не без ехидства в голосе заметила бывшая модистка, – кто угодно выглядит задохликом!

– Ничего она не моя! – правильно понял намек Дмитрий. – Просто знакомая.

– Будищев, – сверкнула в темноте глазами Гесья. – Не рассказывай мне сказки, я уже вышла из детского возраста!

– Ей-богу!

– Оставь Всевышнего в покое, пока он тебя не слышит. И не оправдывайся, пожалуйста, это выглядит нелепо.

– Ты что, ревнуешь?

– Было бы к кому! – фыркнула та.

– Ты точно ревнуешь! – прошептал ей на ухо Дмитрий и легонько укусил за мочку уха.

– Прекрати, дети рядом! – прошипела Геся.

– Они спят!

– Будищев, или ты успокоишься, или я тебя столкну с кровати!

– Но почему?

– По кочану! И вообще, пока ты не сделаешь здесь нормальную баню или ванну, можешь в мою сторону даже не смотреть.

– Что, прямо сейчас начинать?

– Я смотрю, у кого-то слишком много сил? Ничего, завтра я найду этому человеку достаточно тяжелое занятие!

– Завтра хоть на каторгу!

С приходом новых хозяев жизнь в Будищеве стала не то чтобы лучше, но веселее точно. Дмитрий Николаевич, которого уже никто не называл «Митька-дурачок», зла на бывших односельчан не держал и утеснять паче меры не стал. Во всяком случае, после разговора со старостой, заключенный прежним управляющим договор остался в силе. За выпас общинного стада на барских угодьях штрафовать тоже не

стал, но плату, разумеется, положил. Не слишком большую, всего по алтыну с коровы, да каждый день свежего молока и сливок для обитателей барского дома. В общем, можно сказать, только для порядка. Это мужики оценили. Порядок он во всем должен быть. А вот за рубку леса новоявленный помещик пообещал сразу ноги повыдергать, и тут ему сельские обыватели сразу поверили. С него станется!

Хозяйка с чудным именем Гедвига Генриховна тоже оказалась женщиной не злой. Строгой, это да! У неё не забалуешь. Держалась она с достоинством, говорила с людьми вежливо, но финтить с ней не получалось. Дядька Макар, которого наняли переложить печь в господском доме, вздумал было цену заломить, так она его так отбрила, что тот зарекся с ней связываться.

– Рази таковые барыни бывают?! – плевался он после того, как закончил работу и привычно пропивал заработок. – Настоящие господа за копейки николи не торгуются, это же не приказчики...

– Дык она из немцев, – пытался урезонить его Гаврила. – Немцы, известное дело, прижимистые.

– Да какое там! – скривился печник. – Жидовка самая настоящая!

– Ты говори, да не заговаривайся. Какая такая жидовка?

– Известно какая. Из тех, что Христа распяли!

– Тьфу на тебя!

– А ты не плюйся тут! – взъярился Макар. – Ты лучше за

женой следи, а то расплевался...

– Что?! – взревел Гаврила, выпучивая на собутыльника глаза. – Ну-ка повтори...

– И повторю! Все знают, что твоя Машка бегала к Митьке, ещё до того как он на службу ушел...

Хрясь! – прилетел кулак в рыло сплетника.

– Ах ты паскуда! – изумился пострадавший и немедленно вскочил. – Лови!

В общем, пришлось драчунов разливать водой, а на утро их отвели к старосте, а тот, посоветовавшись с миром, велел всыпать обоим горячих, чтобы вдругорядь не баловали.

К двум младшим обитателям имения отношение было попроще. Сёмка быстро сошелся с деревенскими сверстниками и даже завел себе среди них приятелей. Бегал с ними на рыбалку, играл в бабки, иной раз и озоровали, но в меру. Что касается Степаниды, то её местные девки сторонились. А чего она такая худая и коса отрезана? Небось, порченная! Но девушка не слишком тяготилась одиночеством, а помогала Гесе по хозяйству, училась шить и иногда читала книжки, до которых была большой охотницей.

Через две недели после заселения к новоявленным помещикам приехали гости. Молодой господин с крестом в петлице сюртука, опирающийся на палку, и молоденькая барышня в соломенной шляпке, очень похожая на него.

– Лёшка, Лиховцев, – обрадованно закричал Будищев, увидев гостей, – приехал-таки, чертяка!

– Здравствуй, дружище! – отозвался тот, и они крепко обнялись. – Вот, выбрался, наконец.

– Геся, Стеша, встречайте гостей!

– Позволь познакомить тебя со своей сестренкой. Ни в какую не соглашалась оставаться дома, когда узнала, что я собираюсь к тебе.

– Елена, – немного смущаясь, представилась барышня, протянув Дмитрию ладошку. – Брат много рассказывал мне про вас.

– Могу себе представить, – фыркнул тот.

– Правда-правда! И про то, как вы его спасли, и про то, как вы воевали. Про все ваши подвиги...

– Понятно, значит, самое интересное он опустил.

– Самое интересное? – широко распахнула глаза девушка.

– Конечно. Например, про то, как мы воровали брынзу в Румынии.

– Господи, зачем ты рассказываешь всякий вздор бедной девочке! – вмешалась вышедшая из дома Геся. – Здравствуйте, меня зовут Гедвига, и я имею несчастье быть женой этого несносного человека.

– Ой. А про вас Алеша тоже очень много рассказывал. Вы не представляете, как жалела маменька, что не может приехать, и просила вас обоих расцеловать. Ведь если бы не вы, Алеша непременно бы погиб в Болгарии. Так же как несчастный Николай Штерн.

Услышав это имя, Геся сумела сохранить невозмути-

мость, но барышня сама сообразила, что ляпнула лишнего, и залилась краской. Неловкость, впрочем, продлилась недолго, поскольку гостье представили Степаниду.

– Стеша, – немного смущенно представилась девушка.

– Елена, – решительно протянула ей руку новая знакомая. – Я окончила выпускной класс гимназии.

– А я пока нигде не учусь, но Дмитрий обещал, что я смогу поступить на курсы.

– Ой, как я вам завидую! Я ужасно хочу стать курсисткой, но маменька против. Она говорит, что они «славятся» недостойным поведением, и благовоспитанной барышне не пристало знаться с ними, но я считаю, что это, право же, предвзятость!

– Моя сестрица чрезвычайно прогрессивная особа, – улыбнулся Лиховцев, – и к тому же очень общительная. Так что, если её не прервать, то она вас всех насмерть заговорит!

– Тогда вы пришли по адресу! – улыбнулась Гесья. – Мы вроде бы и недавно в этой глуши, но успели соскучиться по нормальному общению.

– Это точно, скоро мхом покроемся, – со смешком подтвердил Дмитрий. – Ладно, вы пока пообщайтесь, а я покажу Лёшке наши владения.

– С удовольствием, – с готовностью согласился Алексей.

– Собственно, показывать особо нечего. Домик, как видишь, не большой, но уютный, особенно после того, как в нем навели порядок. Сад немного одичал, но пока не до него.

– А что это за бочка?

– Летний душ. Вода нагревается от солнца и по трубе идет в помывочную. Дёшево и сердито.

– Остроумно. Сам придумал?

– И сделал тоже. Так и не смог объяснить местным мастерам, что мне от них нужно.

– А я думал ты – помещик, – улыбнулся Лиховцев. – Собственный выезд ещё не завел?

– Зачем? – пожал плечами хозяин. – Я не собираюсь надолго задерживаться здесь.

– Не чувствуешь призвания к сельской жизни?

– Скорее, чувствую к ней полнейшее отвращение!

– Вот как?

– Даже хуже. Слушай, у меня в Питере хоть маленькая, но своя мастерская. У Геси тоже, так какого черта нам сидеть в этой дыре?

– Я думал, вы переехали сюда из-за девочки.

– Да. Из-за неё тоже. Всё-таки деревня, свежий воздух, спокойствие, и всё такое прочее, но я скоро завою здесь от тоски! Мужики или работают до упаду, или пьют до того же состояния, а мне что делать?

– А Геся?

– Ну, ей сначала нравилось, что ей все кланяются и зовут барыней, но надолго ни её, ни меня, ни Стеши не хватит.

– Даже так?

– Представь себе! Думаешь, почему Степанида учиться

хочет? Чтобы хоть немного отдохнуть от моей благоверной. Она у неё шуршит постоянно, как Золушка в поисках туфельки и принца.

– Ты всё перепутал, это принц искал Золушку с помощью туфельки, – засмеялся Лиховцев.

– Да без разницы! Лучше расскажи, как сам?

– По-прежнему. Вакансий нет и не предвидится, а завести адвокатскую практику не так просто.

– У тебя и не получится!

– Почему ты так говоришь?

– Потому что для этой профессии необходимо полное отсутствие совести! Иначе как ты будешь уверять присяжных в полной невиновности своего клиента?

– Но, послушай, есть же действительно невиновные...

– Конечно. Но у них, как правило, отсутствует не только вина, но и деньги на адвоката, а тебе надо заботиться о матери и сестре. Кстати, что с матушкой, приболела?

– Не то чтобы сильно, – замаялся Алексей. – Иначе бы Леночка не решилась бы её оставить...

– Хреново!

– Грубо, но верно, – вынужден был признать приятель. – Ей-богу, если бы не все эти обстоятельства, я все бросил бы и уехал куда-нибудь.

– Хорошо там, где нас нет!

– Нет, я не об этом. Просто, понимаешь, хочется какого-то живого дела. Да хоть войны!

– Мало повоевал? – иронически поинтересовался Будищев.

– Много! Но там, по крайней мере, всё честно! Там враг, тут свои, и мы сражались за правое дело! Ах, как бы я хотел вернуться в те дни... а ты?

– Вот уж нет!

– Ей-богу, это странно. Ты всегда плохо относился к войне, даже такой справедливой и благородной, как та, в которой нам довелось участвовать, но при этом сражался лучше нас всех! Кстати, ты слышал, что будет новая экспедиция в Ахалтекинский оазис? Говорят, её возглавит сам Скобелев!

– Значит, опять кровь рекой потечет.

– Понимаю. Ты сочувствуешь диким детям пустынь, их вольному духу и стремлению к свободе...

– Блин, Лёха! Что за чушь ты несешь?

– Прости, не понял...

– Какие на хрен «свободолюбивые дети пустынь»? Да эти басмачи, или как их там, текинцы, ничуть не лучше башибузуков, с которыми мы воевали на Балканах!

– Но, извини, тогда я решительно тебя не понимаю!

– Ну что тут непонятного? Кто пойдет в этот поход?

– Солдаты и офицеры...

– Вот именно, солдаты! Простые мужики в гимнастических рубахах и с ружьями. За каким чёртом им эта война?

– Но если так рассуждать, то войны вообще не имеют смысла.

– Ничего подобного! Если бы после того, как мы завоевали эту самую Среднюю Азию, местных бабуинов разогнали, а их землю раздали русским мужикам, в этом был бы официальный смысл!

– А куда же девать местных?

– Я предпочитаю заботиться о своих.

– Какая ужасная софистика! Разумеется, я тоже переживаю за наших воинов, но... даже не знаю, как сказать. Есть же ещё и цивилизаторская миссия. Мы несем, так сказать, прогресс...

– Даром им не нужен этот прогресс!

– Ты невозможен!

– Нет. Просто я знаю, чем это закончится.

– Ты опять о «будущем»? Знаешь, а ведь я тебе почти поверил тогда на пароходе, когда мы возвращались в Россию.

– А теперь?

– Теперь не знаю. Не может это всё быть правдой.

– Ну и ладушки. Давай возвращаться, пока наши красавицы нас не потеряли.

Пока Алексей и Дмитрий прогуливались по живописным окрестностям, оставшиеся наедине представительницы прекрасной половины человечества тоже не теряли времени даром. Пока Гедвига Генриховна показывала новой знакомой дом, некоторые привезенные с собой наряды и совершеннейшую редкость в провинции – последние номера журналов

«Модный свет» и «Модный магазин» издательства Германа Гоппе¹², Степанида вернулась на кухню. Оттуда уже давно доносились соблазнительные запахи свежей выпечки, и скоро она появилась в свежесырокопченно пахнущей гостиной с большой миской восхитительно пахнущих оладушков.

– Угощайтесь, пожалуйста.

– Ой, какая прелесть! Вы это сами напекли? – восхищенно воскликнула Елена.

– Стеша у нас большая умница, – похвалила девушку Гесья. – На все руки мастерица!

Живая и любознательная Леночка пришлась по душе хозяевам, а она в свою очередь просто влюбилась в новых знакомых. Ещё бы, у них была такая занимательная жизнь! Одна была модисткой и шила красивые платья, а какая барышня может остаться равнодушной к нарядам? Другая упорно занималась самообразованием, чтобы поступить на курсы, а между тем помогала Будищеву в мастерской и даже сама могла собрать электрический звонок! Это ли не достижения, тем более что они обе были из низов и всего добились сами.

А чего достигла к шестнадцати годам она, потомственная дворянка Елена Лиховцева? Окончила гимназию? И только?! Но ничего, она всё сможет, вот увидите!

– Пейте чай.

– Что? – вернулась в реальность барышня.

¹² *Герман Гоппе* – известный издатель, одним из первых в России начавший издавать иллюстрированные журналы мод.

– Я говорю, пейте чай, – улыбнулась Стеша. – Дмитрий очень хорошо его заваривает. Я каждый раз пью и не могу напиться.

– Да, спасибо. Действительно, очень вкусно!

– И сметаны, пожалуйста, попробуйте. Она у нас свежая, деревенская.

– Объедение! – даже зажмурилась от удовольствия барышня, а потом неожиданно призналась: – А я совершенно не умею ни печь, ни готовить.

– Хотите, я вас научу?

– Очень!

– Боюсь, не получится, – вмешался только что вошедший Алексей. – Мы завтра уедем, и вряд ли вам хватит времени на обучение.

– А зачем вам уезжать? – поинтересовался хозяин, усаживаясь за стол.

– Но я же говорил, – смешался Лиховцев. – Матушка не совсем здорова, да и дела у нас идут не слишком хорошо...

– Вот и переезжайте сюда.

– В каком смысле? – поперхнулся приятель, а Геся удивленно посмотрела на мужа.

– В прямом.

– Но ты же говорил, что собираешься вернуться в столицу?

– Да. И дом освободится.

– Прости, но я решительно не понимаю тебя!

– Ну, что тут непонятного. Нам с Гесей нужно вернуться в Питер. У нас там бизнес...

– Что?

– Бизнес. Дело.

– Ах вот что ты имеешь в виду. Прости, я перебил тебя.

– Ничего страшного. Так вот, здесь мы жить не можем, а быстро и при этом сколько-нибудь выгодно продать имение не получится. Отдавать за бесценок тоже не хочется, так что нам нужен управляющий.

– И ты хочешь предложить это место мне?

– А почему нет?

– Я даже не знаю...

– Соглашайся. Перевезешь маму сюда. Будете жить на свежем воздухе, на всем готовом и присматривать за моим хозяйством, благо присматривать особо не за чем.

– Но я ничего не понимаю в сельском хозяйстве!

– Ничего страшного. Посчитать урожай и продать половину сможешь? Большого пока и не нужно.

– Но у нас квартира...

– Своя?

– Нет, съемная.

– А на сэкономленные деньги сможете отправить сестренку на курсы.

Елена, до сих пор слушавшая разговор старшего брата и его приятеля, не скрывая скепсиса, неожиданно поняла, что во всем этом что-то есть! Стеша благоразумно помалкивала,

а вот у Гедвиги Генриховны определено было что сказать, но она пока что воздерживалась.

– Я пришел! – закричал появившийся на пороге Сёмка, но заметив гостей, смутился и, краснея, выдавил из себя: – Здравсте...

– Забор покрасьте! – хохотнул Дмитрий, с сочувствием глядя на незадачливого ученика.

Тот стоял с раскрытым ртом, взъерошенный, как воробей после драки, и с расцарапанными босыми ногами. И ко всему этому, как нетрудно догадаться, смертельно голодный. Нельзя, впрочем, сказать, что молодой человек пришел с пустыми руками, поскольку в одной из них была удочка, а во второй кукан, полный вполне порядочной рыбы.

– Молодой человек! – отреагировала, наконец, Геся. – Извольте немедленно пойти и привести себя в порядок!

– Сейчас, – обреченно вздохнул мальчик.

– Я помогу, – попыталась прийти к нему на помощь Стеша, но строгая хозяйка мгновенно пресекла это благое намеренье.

– Семён прекрасно справится сам, так что сядьте, юная барышня, и не надо прятать олады для этого бездельника. Он поест, но только когда умоется и сменит одежду!

Всё это было сказано таким безапелляционным тоном, что никому и в голову не пришло возразить столь строгой хозяйке, тем более что та была в своём праве.

Как и следовало ожидать, Лиховцевы немного задержа-

лись в имении Будищева. Алексею хотелось чуть больше узнать о месте, которое ему предложили, прежде чем дать окончательный ответ. Елена же просто наслаждалась жизнью на природе и общением с новыми людьми. Ей нравились здесь абсолютно всё, поля, лес, речка, даже болота. Её сместили шутки Дмитрия и озорство Сёмки. Она восхищалась Гедвигой и испытывала искреннюю симпатию к Стеше. А ещё ей очень нравилось, что любимый брат, общаясь со своим армейским другом, немного оттаял душой и не смотрел на жизнь так мрачно, как раньше. По крайней мере, он начал строить планы на будущее, что с ним не случалось уже очень давно.

– Как ты думаешь, стоит ли мне соглашаться? – спросил он её однажды вечером.

– Разве ты ещё не решил? – улыбнулась она.

– Почти. Я только не знаю, согласится ли маменька на переезд. Всё-таки она провела всю жизнь в городе и не знает иной жизни. У нас даже дачи никогда не было.

– Значит, надо её уговорить.

– Легко сказать.

– Алёшенька, милый, посмотри вокруг хорошенько, – голос сестры сразу стал вкрадчивым. – Здесь так хорошо и спокойно и, самое главное, ничего не будет стоить, в отличие от нашей квартиры. Которая, откровенно говоря, редкая дрянь. Стоит совсем недешево, располагается неудобно, а сколько дров уходит за зиму, это же просто ужас какой-то!

– Я всё это прекрасно понимаю, но что сказать маменьке?

– Да так и скажи. Тебя она послушает.

– Что, очень хочешь на курсы? – понимающе усмехнулся он.

– Больше всего на свете! – прошептала она ему, и, не удержавшись, бросилась обнимать. – Пойми меня, братец, я не хочу похоронить себя заживо в нашем захолустном Рыбинске. Какая, скажи на милость, меня в нём ожидает судьба?

– Хорошо-хорошо! – засмеялся брат. – Постараюсь уговорить маменьку.

– Спасибо! Ты самый лучший!!!

Как ни странно, но хозяева имения в этот момент тоже говорили о них. Точнее о месте, которое Будищев предложил своему товарищу. Не то чтобы Гедвига Генриховна была против, вовсе нет. Но вот то, что он сделал это, не посоветовавшись с ней, незамедлительно повлекло за собой последствия.

– Ты уверен, что мы сможем это себе позволить? – в очередной раз поинтересовалась она. – Всё-таки управляющему нужно платить, даже если это наш друг.

– Я уверен, что мы не сможем здесь остаться, – с выражением безграничного терпения на лице в который раз отвечал ей Дмитрий. – В Питере мы с тобой за лето заработаем втрое больше, чем этот поместье принесет за год.

– Ты уверен? – недоверчиво протянула Геся. – Всё же

больше тысячи десятин пахотной земли.

– Это нечерноземье, солнце моё! Ты знаешь, какая урожайность на здешних землях?

– Нет, но уверена, что не меньше сотни пудов с каждой.

– Ах, если бы! Если рожь, то в лучшем случае половина, то есть пудов пятьдесят, и пшеница немногим лучше. Да-да, я узнавал. Машка, конечно, прибрехнула насчет «сам два», но не так уж и много.

– Но неужели нет способа повысить урожайность?

– Есть, конечно. Но нужно вложить деньги, которых у нас сейчас нет, плюс необходим человек, который будет всем этим заниматься. Агротехника, удобрения, трехполье и ещё чёрт знает сколько всякой фигни, о которой мы с тобой не имеем никакого понятия! Так что, пусть пока всё идет, как идёт. Хуже всё равно не будет, а Лёшка парень честный, воровать не будет, лес, тот, что остался, тоже на сторону не продаст и вообще...

– Ну, не знаю. Тебе всё же следовало сначала посоветоваться со мной.

– В другой раз – обязательно!

– Ну хорошо. А теперь скажи, говорил ли ты с отцом Питиримом?

– Говорил, – помрачнел Дмитрий.

– Какие-нибудь проблемы?

– Да, блин, с этим попом вообще одни проблемы! Он требует, чтобы ты сначала выучила все молитвы, затем в грехах

покаялась, совершила таинство Святого Крещения, и только после всего этого он нас, может быть, и обвенчает...

– Но ведь лютеран и православных сочетают браком и без этого, – удивилась Геся, – зачем же мне креститься?

– Так то лютеран!

– На что ты намекаешь?

– Я?! И в мыслях не было, а вот бабушка ни грамма не верит в твоё протестантство.

– Как он узнал?

– Не знаю! Но Питирим вообще дядька продуманный. Он и с большим начальством вась-вась, даром, что выглядит как дуболом в подряснике.

– Ты предлагал ему денег?

– Предлагал.

– И что?

– Взял. Но сразу же сказал, что христианина, даже такого конченого, как я, с иудейкой венчать не станет! Блин, ну не смотри на меня так, будто я накосячил. Я, если хочешь знать, пока мы здесь, ни одной воскресной службы не пропустил. Свечек, наверное, фунтов пять спалил перед иконами. Да я в армии реже причащался, хотя там за этим капец как следили!

– И что же делать?

– Ничего! Валить надо отсюда. В Питере найдем менее щепетильного бабушку, да и окрутимся.

– А может, мне действительно перейти в православие?

– Не вопрос. Только, как я сказал, отец Питирим тебя в купель пустит лишь после того, как убедится, что ты «искренне Христа сердцем приняла» и все молитвы выучила, а он их столько знает... короче, не вариант, если мы тут не собираемся ещё на месяц, а то и на два застрять!

– Слушай, – задумчиво протянула Геся, – а может, ты просто не хочешь на мне жениться?

– Началось!

– А что, тебя ведь наверняка всё устраивает!

– Ми-ла-я!

– Что?!

– Не надо!

– Не затыкай мне рот!

Вечером Будищев вытащил из колодца загодя припрятанный туда штоф водки и позвал с собой Лиховцева.

– Давай помянем наших, – хмуро предложил он, – тех, кто не вернулся.

– Хорошо. Только куда ты собрался?

– В сад. Там не так душно. Ветерок, птички поют.

– Надо хоть закусить взять.

– Да всё готово давно. Пошли. Водка греется.

В саду их и впрямь ожидал небольшой раскладной столик, на котором теснились миски с нарезанным салом, пахнущей дымком колбасой, сыром, зеленью и другими закусками, от вида которых в желудке сам собой начинал выделяться сок.

– Да тут просто царский пир! – удивленно воскликнул Лиховцев. – А где же наши дамы?

– Без дам пока обойдемся, – хмуро отозвался Дмитрий, наполняя чарки содержимым бутылки. – Давай за тех, кто не вернулся!

– Царство небесное воинам, живота своего не пожалевшим, – с чувством отозвался Алексей, и они не чокаясь выпили.

Холодное хлебное вино привычно обожгло горло, и повеселевший хозяин вкусно захрустел луком.

– Что-то случилось? – участливо поинтересовался приятель.

– Нет, всё нормально, – отозвался хозяин. – Просто иногда немного муторно на душе. Ещё по стопарику?

– Изволь.

Выпив ещё немного, они разговорились, стали вспоминать друзей, бои, в которых принимали участие. Постепенно перешли с дел минувших на настоящее. Раскрасневшийся от выпитого Лиховцев начал делиться соображениями по управлению имением. Тут было и применение удобрений, и севооборот, и внедрение прогрессивных методов агротехники. В общем, всё, что ему когда-либо приходилось слышать о хлебопашестве. Дмитрий внимательно слушал его, наполнял чарки, иногда вставлял пару слов, но было видно, что его мысли далеко отсюда.

Водочный штоф был уже наполовину пуст, когда тема ин-

новаций в сельское хозяйство оказалась исчерпанной, и не на шутку увлекшийся Алексей перешел к более важным проблемам. Вскользь коснувшись деревенской школы, для которой, по его словам, требовалось новое здание, он высказался о несомненном преимуществе классического образования перед реальным, и хотел было поподробнее остановиться на одном из них, но наконец-то заметил отстраненный взгляд приятеля.

– Тебе не интересно?

– Знаешь, – немного помолчав, начал Будищев. – А ведь это болото совсем рядом. Вёрст пятнадцать отсюда, не более.

– Какое болото?!

– Через которое я сюда попал.

– Откуда?

– Из будущего.

– Ах, ты опять про это!

– Про него. Я когда после войны сюда ехал, всё думал, а не вернуться ли мне обратно?

– Каким образом?

– Так же, как попал. Ходил тут, присматривался, прикидывал, где спрятать трофеи, которые у тебя хранились, так, чтобы никто кроме меня не нашел...

– Зачем?

– Ну как зачем? Думал, откопаю в своем времени и продам. Антиквариат, он у нас в цене. Поднимусь по баблу. Куплю квартиру, машину, буду, как говорится, в шоколаде.

– И что же?

– А ничего!

– В каком смысле?

– Понимаешь, Лёшка. Я в своём времени, хоть с квартирой, хоть с машиной, так и останусь тем же Димкой-детдомовцем. Просто буду по шабашкам не на маршрутках добираться, а на своей тачке. Никто меня в серьёзный бизнес не пустит. Это только с виду у нас там демократия, а на самом деле ещё хуже, чем до революции... только вместо графов барыги рулят и чинуши.

– А тут?

– А тут я всё могу! Нет, серьёзно. Понимаешь, я сейчас один знаю больше, чем все ваши академики или профессора. Я один умею то, до чего люди ещё не скоро додумаются. Взять хоть Барановского, ведь он гений, а простых вещей не понимает! Я его пацану фонарик сделал, так он на меня смотрел, как на... блин, как этого древнего грека звали, что огонь принес?

– Прометей?

– Во-во, как на Прометея!

– И что ты будешь делать, звонки ставить?

– Звонки фигня! Хотя я на них нехилые бабки поднял для простого мастерового. Нет, брат, теперь я купец и у меня своя мастерская! Да я в ней всё что угодно сделаю, о чём другие ещё даже не догадываются. Освещение, сигнализация, электродвигатели,... а ещё пулеметы, автомобили, са-

молеты, ты хотя бы представить можешь, как они выглядят? А я их видел! Да что там самолеты, я, когда сюда ехал, хотел примус купить...

– Какой ещё примус?

– Во-от! Не изобрели ещё примус!¹³

– А зачем он?

– А низачем. Деньги я на нем заработаю!

– И большие?

– Может, и не очень. Только я таких вещей столько знаю, что внедрить их все, наверное, и жизни не хватит. На чем-нибудь, да поднимусь.

– Кажется, тебе уже хватит, – покачал головой Лиховцев.

– Что?! – вскинулся Будищев, но потом, оглядев окружающую обстановку, как будто очнулся и кивнул. – Да, ты прав, дружище. Поздно уже. Давай ещё по одной, и пойдем в дом.

* * *

Тем временем Геся, Стеша и Елена сидели в гостиной при свечах и, поджидая своих мужчин, коротали время за рукоделием. Точнее, Степанида штопала Сёмкину рубаху, Леночка разглядывала дамские журналы, а Гедвига Генриховна давала ей пояснения, нервно поглядывая в сторону двери.

– Как необычно, – изумилась девушка с очередной кар-

¹³ Примус изобретен в 1892 году Францем Вильгельмом Линдквистом.

тинки. – Неужели такое носят?

– О, да! – усмехнулась модистка. – Но это ещё что! Есть кое-какие идеи... Ручаюсь, они произведут настоящий фурор!

– Как я вам завидую...

– Не стоит, – нервно отозвалась та, борясь с желанием выйти на улицу. – Хлеб швеи горек.

– Но ведь вы же не просто швея?

– Теперь да. Но начинала я простой белошвейкой... Господи, да где же они ходят?!

– Ой, не знаю. На Алёшу это совсем не похоже!

– Не беспокойтесь, я прекрасно понимаю, кто выступил зачинщиком. Но ничего...

– Не надо его трогать, – тихо возразила Стеша и, откусив нитку, отложила свою работу в сторону. – Скоро он вернется и всё будет хорошо.

– Да кто же его трогает! – всплеснула руками пылкая дочь еврейского народа, но не стала развивать тему и пересела на оттоманку.

– С ним так бывает? – робко поинтересовалась Леночка.

– Иногда, – вздохнула девушка. – Когда не ладится что-то или неприятности. Или войну вспомнит.

– С Алексеем тоже так было сначала. Но недолго.

– Трудно потерять ногу в его возрасте, – со вздохом отозвалась из своего угла Гесья. – Я помню, как он переживал в госпитале.

– Нет, дело не в этом, – покачала головой Елена и прикусила губу.

– А в чем же? – удивилась хозяйка.

– Мне, право, неловко...

– Тогда, может, не стоит? – попыталась остановить её Стеша.

– Нет, продолжайте, раз уж начали, – заинтересовалась Гедвига.

– Дело в том, что у Лёши была невеста. Она обещалась ждать его с войны, но...

– Погодите, кажется, я припоминаю. Да-да, он много рассказывал о ней... как же её звали?

– Софья Батовская.

– Да, точно. А что же с ней случилось?

– Пока Алексей воевал, она встретила другого человека и полюбила его. Мой брат освободил её от данного ему обещания и даже был шафером у них на свадьбе... но он очень сильно переживал этот разрыв.

– Да, я слышала эту историю, – печально вздохнула Геся.

– Дрянь! – негромко, но очень отчетливо сказала Стеша.

– Что?

– Я говорю, что эта ваша Софья – дрянь! – жестко повторила девушка. – Алексей Петрович очень хороший и добрый человек. И если она не сумела оценить это, то просто его недостойна.

– Я тоже так думаю, – вздохнула Лиховцева. – Но Лёша

запретил мне так говорить.

Погрустневшая Гедвига хотела ещё что-то сказать по этому поводу, но тут за порогом раздались шаги, потом отворилась дверь и в проёме появились пропавшие мужчины. При чем Лиховцев выглядел немного смущенно, а вот Будищев, несмотря на выпитое, был собран и подтянут.

– Не скучали тут без нас? – весело поинтересовался он.

– Все глазоньки проплакали, – в тон ему отозвалась Стеша, и лицо её озарилось улыбкой.

– Это вы зря! – усмехнулся Дмитрий и, обернувшись к жене, спросил: – Ты тоже рыдала?

– Я, вообще-то, думала, что ты в соседней комнате, – с деланным спокойствием ответила та, подарив мужу один из самых выразительных своих взглядов.

– О как! А у нас хорошие новости. Наш друг любезно согласился стать здешним управляющим. Завтра мы отправимся в Рыбинск, где оформим все необходимые бумаги, после чего можно спокойно возвращаться в Петербург!

– Ура! – подпрыгнула Леночка и бросилась обнимать брата.

Николай Иванович Путилов был уже далеко не молод и многое пережил в своей жизни. Он успел побывать моряком, чиновником, изобретателем, инженером и одним из самых известных в России предпринимателей. Именно ему удалось совершить невозможное – организовать во время несчаст-

ной Восточной войны¹⁴ постройку нескольких десятков мелкосидящих канонерских лодок. И тем самым спасти Петербург от нападения англо-французской эскадры. И всё это за одну зиму. В общем, его недаром почитали за гения, причем как в промышленных, так и в правительственных кругах.

Он привык быть в центре внимания, подавать идеи, инициировать проекты и принимать после их воплощения вполне заслуженные восторги, но сегодня и сам был впервые за много лет изумлен. Сидящие перед ним два молодых человека рисовали такие перспективы, от которых захватывало дух. К тому же весь его опыт говорил о том, что это не пустые прожекты, коих он повидал во множестве. Нет, воплотить в жизнь их замыслы было вполне возможно, он это знал, чувствовал!

Одного из них он хорошо знал. Владимир Степанович Барановский был известным изобретателем и фабрикантом, а вот второй... Выше среднего роста, худощавый, с небольшими усами, придававшими ему немного фатоватый вид, усиливающийся хорошо сшитым костюмом, кричащими лаковыми туфлями с штиблетами и развязными манерами. Однако крепкие руки и широкие плечи, прямо указывающие на недюжинную физическую силу и умение работать, свидетельствовали скорее в его пользу. И взгляд... взгляд человека, многое повидавшего и при этом знающего себе цену.

¹⁴ В отечественной историографии эту войну принято называть «Крымской», хотя боевые действия велись ещё на четырех театрах.

– Как вы сказали, вас зовут?

– Дмитрий Будищев, – ещё раз представился тот, отчего-то снова пропустив отчество.

– А по батюшке?

– Дмитрий Николаевич, – поспешил поправить товарища Барановский.

– Ах да, как же. Это ведь трелями от ваших звонков переполнен весь Петербург?

– Совершенно верно.

– Любопытно...

– Что именно?

– Видите ли, молодой человек. Я справлялся у специалистов по поводу вашей продукции и, надо признаться, получил весьма лестный отзыв. Вы, походя, внедрили несколько довольно оригинальных новинок, которые, будучи примененными в ином месте, могли бы принести немалые дивиденды.

– Да, я такой, – пожал плечами Дмитрий. – А в чем дело?

– Вы хоть и начинающий, но очень перспективный гальваник. Уверен, что Сименс предлагал вам прекрасные условия за переход к нему. Но вы отказались. Нет-нет, я не осуждаю, это делает вам честь!

– Тогда что?

– Почему пушки?

– Не только.

– Ах, да. Эти ваши митральезы. Но это все равно. Итак,

почему?

– Всё просто. Что бы ни придумали ученые и изобретатели, это всё равно станет оружием. Так уж люди устроены. Вот без чего мы не можем обойтись? Правильно, без хлеба. Но чем пашут землю наши крестьяне? Сохой, как при царе Горохе! Даже плуги редкость, что уж тут о паровых молотилках толковать или ещё каких машинах. А вот оружие, это да. Когда придумали первую соху, воевали ещё дубинами, а сейчас посмотрите: пушки, броненосцы, мины, винтовки, митральезы, и они с каждым годом все мощнее и скорострельнее, а в деревне всё по-прежнему!

– Да уж, – усмехнулся Путилов, – в этом вы правы!

– А если пушки скорострельнее и мощнее, стало быть, снарядов к ним нужно будет всё больше и стоять они будут дороже.

– Но пушка конструкции Владимира Степановича, насколько мне известно, не снискала симпатий у военного ведомства?

– Всё так, – нервно кивнул Барановский. – Но, видите ли...

– Во-первых, она немного опоздала, – грубовато перебил своего компаньона Будищев. – Во-вторых, она слабовата!

– И что же вы предлагаете?

– Линейку орудий, основанных на единой конструкции, на любой вкус. Пушки калибром вместо имеющихся двух с половиной дюймов, в семьдесят шесть, семьдесят пять, сто

пять и так до ста двадцати двух или даже ста пятидесяти двух миллиметров. Вдобавок к ним легкие и не очень гаубицы, на таких же станках.

– Это позволит сэкономить, – сразу же ухватил суть Путилов.

– Вот-вот, генералы это любят!

– А вы воевали?

– Немножко.

– И в каких же чинах обретаетесь?

– О, тут всё круто. Цельный унтер сто тридцать восьмого Болховского полка в отставке с правом ношения мундира, но без пенсии!

– Дмитрий Николаевич, – поспешил вмешаться Барановский, – кавалер четырех знаков отличия военного ордена!

– Бантист, значит, – протянул Николай Иванович. – А не тот ли вы солдат, что вместе с Ниловым на «Шутке» турецкий пароход взорвали?

– Было дело.

– Однако! А что же вам, остаться на службе не предлагали?

– Предлагали.

– Отказались?

– Отказался.

– Занятно. А теперь, значит, митральезу собственной конструкции изобрели?

– Да.

– И с ней, как и с пушкой Владимира Степановича, пришли ко мне. Кстати, а почему ко мне?

– Ваше превосходительство¹⁵, – начал было Барановский, – в надежде на благосклонное внимание...

– Погодите, любезный, – прервал его Путилов. – Мне интересно, как это сформулирует ваш компаньон.

– Ну, а к кому ещё? – простодушно усмехнулся Будищев. – Вы и к великому князю вхожи, и государь вас ценит. Пока мы будем в передней ожидать, вы в любой кабинет ногой дверь откроете!

– Ха-ха-ха, – искренне рассмеялся предприниматель. – А вы прямолинейны, хотя при этом не лишены логики и известного шарма! Но ведь и в деньгах потеряете. Не бойтесь?

– Треть от миллиона, – не задумываясь, отвечал Дмитрий, – это триста тридцать три тысячи, а сто процентов от нихрена – это нихрена!

– Согласен. И всё же, боюсь, без удачного военного опыта вашу митральезу будет трудно протолкнуть на вооружение.

– А я предлагал Владимиру Степановичу подарить Скобелеву пару наших пулеметов.

– Подарить?!

– Конечно! Он бы их все равно с собой в Среднюю Азию потащил. Ему помощь – нам реклама!

– А вы весьма оригинально мыслите, – похвалил Путилов

¹⁵ Путилов имел чин действительного статского советника, соответствующий армейскому генерал-майору.

и обернулся к Барановскому: – И что же вы отказались?

– Не всё так просто, ваше превосходительство, – смутился тот. – Эпопея с моими пушками со всей ясностью показала, что для успешных войсковых испытаний необходимы хорошо обученные расчеты, в совершенстве знающие вверенную им технику и вместе с тем хорошо представляющие себе, в чем новизна тактики применения оружия. Без этого, по меткому выражению, Дмитрия Николаевича, они будут «как обезьяна с гранатой»!

– Как вы сказали? – расхохотался Николай Иванович. – Нет, ей-богу, вы мне положительно нравитесь! Но за чем же дело стало?

– Так ведь единственный человек, досконально знающий и то и другое, это сам господин Будищев. А его в армию калачом не заманишь!

– «Калачом» такого молодца не заманить, – согласился Путилов. – А если чином?

– Ну и на кой это мне? – насторожился Дмитрий.

– Эх, молодой человек, – вздохнул умудренный опытом действительный статский советник. – Поверьте мне, в нашем с вами богоспасаемом отечестве ещё очень долго судить о человеке будут не по его достоинствам, а по имеющемуся у него чину!

– Курица не птица – прапорщик не офицер!

– Верно, – не стал спорить Путилов, – только кто тогда унтер?

– Вообще никто, – скрипнул зубами Будищев.

– Вот именно! Так что, подумаете?

– А можно деньгами?

– Ха-ха-ха, – снова зашелся Николай Иванович. – Можно!

Если докажете перспективность вашего, как вы сказали?

– Пулемета.

– Хорошее название! Русское и потому понятное. Так вот, если вы докажете перспективность вашего пулемета, это самым благоприятным способом скажется на вашем состоянии. Финансовом, разумеется.

– И вы сможете добиться принятия Дмитрия Николаевича на службу в офицерском чине? – недоверчиво спросил Барановский.

– У меня есть кое-какие возможности, – туманно ответил патриарх русской промышленности и загадочно улыбнулся.

Вернувшись в Петербург, Дмитрий буквально «атаковал» компаньона своими предложениями. Причем они касались всех сторон их совместной деятельности, от гальванической мастерской до пушек.

– Ну, сам посуди, Владимир Степанович, ты пушку военному ведомству продал?

– Да, и все права у них.

– А какую пушку, напомни?

– Полевую скорострельную двух с половиной дюймовую, – начал тот, но Будищев сразу же его перебил:

– А ты им сделай точно такую же, но трехдюймовку!

– Но это же не честно!

– А начёт на тебя делать за снаряды, которые сами же и испохабили, честно?

– Это совсем другое...

– И я тебе совсем другое предлагаю. Вот помяни мое слово, будущее за семидесятишестимиллиметровыми пушками. И снарядов к ним нужно будет немерено! И с каждым разом они будут стоять все больше и больше.

– Положим, ты прав. Но казна уже выкупила у меня привилегию.

– Внеси изменения! Ствол чуть длиннее, затвор пусть в другую сторону открывается, станины раздвижные. Да мало ли, ты у нас инженер или где?

– Никак не привыкну к твоей манере общения! – обреченно вздохнул Барановский. – Но это лирика. Допустим, я сделаю так, как ты говоришь. Но приемка орудия на вооружение не такое простое дело. Нужно...

– Иметь лохматую лапу! – закончил за него компаньон.

– И где же мы такую найдем?

– Идем к Путилову!

– Ты серьезно?

– Как никогда! Круче него в этом бизнесе сейчас никого нет. И с великим князем они вась-вась! Если кто и протолкнет твои пушки и наш пулемет на вооружение, так только он!

– Погоди, а ты понимаешь последствия? Ведь тогда надо

братъ Путилова в долю.

– Да и фиг с ним. Армия у нас большая, и если с каждого проданного пулемета он нам по десятке отстегнет, мы лет за десять в миллионщики выйдем. Причем продвижение и принятие на вооружение будет его геморроем, а не нашим. И это не считая экспорта!

– А мы чем будем заниматься?

– Счастливое будущее строить!

– В каком смысле?

– В прямом! Знаешь, что необходимо для счастливой жизни?

– Не уверен, – осторожно отвечал Барановский, обоснованно ожидая подвоха.

– Электрификация и телефонизация всей страны! – внушительно ответил Будищев, скромно опустив советскую власть.

– Ты уверен?

– Зуб даю!

– Нет, это невыносимо. Ну как тебе не стыдно за этот ужасный жаргон?

– Эх, дорогой мой, – улыбнулся Дмитрий. – Невыносим только мой мозг, поскольку даже дражайшей Гедвиге Генриховне не получается его вынести!

– Кстати, как она?

– А что ей сделается? – отмахнулся компаньон. – Расширяет производство. Я для её мастерской ещё три зингеров-

ские машинки выписал из Америки.

– Кланяйся ей от нас с Паулиной Андреевной.

– Всенепременно! – шутовски поклонился Дмитрий, но тут же посерьезнел и испытующе взглянул на инженера. – Так что мы решили?

– Ладно, – сдался тот. – Попытка не пытка. Не верю я, что из этого выйдет что-то путное, но почему бы не попробовать.

Договорившись с Путиловым, Будищев распрощался с компаньоном и отправился домой. Вернувшись в Петербург, они с Гесей сняли небольшую, но очень уютную квартиру в доходном доме в Мошковом переулке. Единственным ей неудобством был выход во двор, а не через парадное, что, впрочем, в глазах Будищева вполне компенсировалось более чем скромной по питерским меркам оплатой.

Гедвига Генриховна, как и следовало ожидать, имела на этот счет своё мнение, справедливо указывая, что почтенные господа не ходят в свое жилище через двор. Однако если подумать, это не имело никакого значения, поскольку клиентов она теперь принимала не на дому, а в собственной мастерской, весьма удачно расположенной между модным магазином и кондитерской.

Дела у неё в последнее время шли просто прекрасно. Если раньше услугами мадемуазель Берг пользовались в основном купчихи и жены средней руки чиновников, то теперь среди них все чаще встречались светские дамы самых лучших фа-

милый. Особенно хорошо шли некоторые предметы женского гардероба, скажем так, не предназначенные для всеобщего обозрения. Или попросту говоря, нижнее белье. Трудно сказать, откуда она брала свои идеи, но бюстгальтеры и укороченные дамские панталоны, вкуче с длинными чулками и комбинациями, пользовались немалым успехом. Злые языки даже говорили, что основными клиентками популярной модистки были звезды полусвета, сиречь высокооплачиваемые куртизанки. Так это или нет, никто доподлинно не знал, а сама она вела дела с большим тактом и даже, я бы сказал, деликатностью.

– Господи, да я же со стыда сторю! – округлила глаза очередная клиентка, глядя на манекен, во всей красе демонстрирующий новые веяния моды в женском неглиже. – Нет, я решительно не смогу это никому показать.

– Зачем же это кому-то показывать? – улыбнулась Геся. – Разве нельзя одеть это *для себя*, чтобы просто побаловать?

– Для себя?!

– Конечно! Что за, право же, предрассудок, будто женщины должны наряжаться исключительно для мужчин? Нет, надо радовать прежде всего себя!

– Вы думаете?

– Я знаю! Вы не поверите, как преобразается женщина, когда надевает на себя подобный наряд! Да, его никто не видит, но она-то знает, что на ней! Ну, а если найдется достойный мужчина, то отчего же и не показать?

– Вы ведь сейчас говорите о муже? – почти простонала дама.

– Исключительно! – с самым честным видом отвечала модистка.

– Феерично, – выдохнула клиентка, подумав про себя.
«Вот уж кто не дождется!»

– Ну, так что, будете брать?

– Что?! Ах, да, конечно, непременно...

– Куда прикажете доставить?

– Нет, что вы, что вы, а вдруг прислуга развернет или... нет-нет, заверните, пожалуйста, я заберу сама.

– Как вам будет угодно!

В это время в мастерскую через черный ход вошел Дмитрий. Обычно эта дверь была закрыта, но у него был свой ключ.

– Здравствуйте, красавицы! – весело поприветствовал он швей, ставя на столик сверток с конфетами.

– Здравствуйте, господин Будищев, – улыбаясь, прощептали те, не отрываясь от работы.

– Не заездила вас наша эксплуататорша?

– Грех вам такое говорить! Мы за Гедвигу Генриховну день и ночь Бога молим.

– А за меня?

– И за вас!

– Вот и умницы. А это гостинец вам к чаю!

– Благодарствуйте, Дмитрий Николаевич. Балуете вы нас!

– Что есть, то есть, – со смехом согласился тот и направился в комнату для приема клиентов.

– Какой мужчина, – восхищенно прошептала одна из швей, пышная брюнетка с милыми ямочками на щечках, и мечтательно закатила глазки.

– На чужой пирожок не разевай роток, – поспешила опустить её на землю товарка, – а то враз вылетишь!

– Нешто и помечтать нельзя! – обиженно отозвалась та и с раздражением на лице принялась за работу.

* * *

– Привет, милая, – обнял за плечи Гесю Будищев и нежно коснулся губами шеи.

– Господи, как ты меня напугал! – вздрогнула та, но тут же улыбнулась и подставила ему губы для поцелуя.

Некоторое время они были заняты друг другом, но затем девушка решительно отстранилась, давая понять, что сейчас не время для нежностей. Дмитрий, впрочем, не стал настаивать, а развалился на предназначенном для клиентов диванчике и широко зевнул.

– Что-то я устал!

– Много дел? – сочувственно поинтересовалась модистка.

– Не то слово! Целый день как савраска, туда-сюда...

– Надеюсь, не безрезультатно?

– Ну что ты! Всё очень хорошо.

– Прекрасно. Однако у меня скоро будет посетительница, а посему тебе придется уйти.

– Что, опять какая-нибудь титулованная проститутка?

– С какой целью интересуешься?

– Нет! Меня интересуешь только ты, и смотрю я исключительно на тебя.

– Врешь! Но звучит приятно. Однако вынуждена тебя разочаровать, ко мне придет юная барышня, заказывать подвенечное платье, а потому тебе нужно уйти, причем как можно скорее. И через черный ход!

– Фигасе наезды! Я, между прочим, совладелец этой богадельни...

– Это ты путаешь мастерскую с богоугодным заведением, когда приносишь работницам сладости. И не делай вид, что ты тут ни при чем!

– Да ладно тебе! Подумаешь, кулек леденцов девчонкам подогнал. Пусть сосать тренируются, в жизни пригодится!

– Опять этот ужасный жаргон! Интересно, а со знатными господами ты тоже так разговариваешь?

– Не-а! На этот случай у меня Барановский есть.

– Вот именно поэтому я и не хочу, чтобы ты попадался на глаза моим клиенткам. Бог знает, какого вздора ты им можешь наболтать!

– Ладно, бегу. Твоя барышня все равно придет с мамашей или даже кучей родни, чтобы ты ей ненароком какой-нибудь

эдакой вещицы для брачной ночи не продала. Так что ничего интересного всё равно не будет.

– Болтун!

– Я тоже тебя люблю!

Громкое название «Гальванические и осветительные приборы» (ГОП) носила небольшая мастерская, совершенно затерявшаяся среди множества заводов и фабрик на Выборгской стороне Санкт-Петербурга. Два десятка постоянных работников, большинство из которых подростки, также совершенно не поражали воображение.

Тем не менее это крохотное предприятие находилось у всех на слуху и считалось одним из лидеров в этом новом для России направлении. Стремительно ворвавшись на рынок с новомодными электрическими звонками, Будищев стал предлагать установку электрического освещения в частных домах и присутственных местах, и неожиданно преуспел в этом.

Другой новинкой стали системы сигнализации. Суть у них была та же, что и у звонков, только располагались они несколько иначе. Нажав неприметную кнопку, можно было вызвать прислугу, а если понадобится – и охрану. Купец первой гильдии Вахромей Бузыкин, одним из первых установивший подобную диковину в своем особняке, очень скоро имел случай убедиться в её работоспособности и несомненной пользе. Услышав ночью, что в соседней комнате с его

спальной кто-то копошится, он не стал проверять сам, а поднял тревогу, после чего прибежавшие на вызов швейцар и дворник скрутили воришку и, хорошенько намяв бока, сдали в полицию. Говорят, у злоумышленника был при себе нож, и кто знает, чем всё могло кончиться, если бы не подоспевшая помощь.

История эта совершенно неожиданно (для всех, кроме Будищева) попала в газеты. Началось все с большой статьи в «Петербургском вестнике», в которой раз десять упоминался сам автор изобретения и его предприятие. Подробно расписывались перспективы электрификации России и всего мира, а поимка незадачливого форточника превратилась в захватывающую погоню с перестрелками и прочими леденящими кровь подробностями.

Затем эту очевидную утку подхватили другие бульварные газетенки, а за ними потянулись и более солидные издания вроде «Ведомостей». В них, разумеется, обошлось без крайностей, но общий тон был положительным. Отмечалась перспективность данного направления, а также выражалось удовлетворение, что новаторами в нем выступили русские промышленники. Таким образом, PR-кампания, как её назвал заказчик, вполне удалась и принесла новую волну интереса к их предприятию, а с ней и клиентов.

В общем, дела шли на лад, но при этом требовали постоянного внимания и контроля, а потому от Геси Дмитрий напрямик направился в мастерскую. Прежде, когда он входил,

юные работники дружно бросали все дела и, стянув с головы картузы и шапки, кланялись своему «благодетелю». Будищев поначалу удивлялся, затем попросил больше так не делать, а когда не помогло, взбеленился и пообещал открутить пацанам уши.

Так что теперь все остались на местах, усиленно выполняя свои обязанности, лишь изредка бросая на хозяина опасливые взгляды. Тот молча прошелся по рядам, внимательно посмотрел на работу, но, не заметив ошибок, вмешиваться не стал, а прошел в конторку, где взмокшая от усердия Стеша старательно что-то выводила в тетрадке, время от времени поглядывая в книжку.

Если бы недавние подружки встретили теперь Степаниду Филиппову, то они вряд ли бы признали в этой разодетой барышне свою бывшую товарку. Прекрасно сшитый из тонкого сукна жакет, длинная до щиколоток юбка в клетку, из-под которой выглядывали ладные ботиночки на невысоком каблуке. Всё ещё слишком короткие для девицы волосы были перевязаны черной лентой и красиво уложены, а румяные щечки и ярко-алые губы не нуждались в косметике. Поездка в деревню, несмотря на её непродолжительность, оказала на здоровье Стеши самое благотворное влияние, так что теперь она просто сияла первозданной красотой. И лишь лёгкая грустинка в уголках глаз указывала на недавние невзгоды.

– Привет, красавица! – поздоровался Будищев, склоняясь

над её работой, оказавшейся пособием для гальванеров.

– Здравствуйте, Дмитрий Николаевич, – не отрываясь от работы, отозвалась она.

– Раньше ты меня Митей звала.

– То было раньше.

– А теперь что же?

Этот вопрос Стеша проигнорировала, будучи погруженной в своё занятие. В последнее время она так усиленно занималась самообразованием, что Дмитрий даже предложил ей поступить в городскую школу, но она отказалась.

– Куда мне за парту вместе с детьми?

К тому же у Степаниды было немало и иных забот. Пока Будищев был занят своими «наполеоновскими планами», она готовила на всех работников обед, принимала клиентов, вела кассу и делала множество других незаметных на первый взгляд, но тем не менее важных дел.

– Где Семён?

– Ушел звонок ставить.

– Много работы?

– Хватает, – кивнула девушка и, устало отодвинула от себя тетрадь с учебником.

– Разобралась? – усмехнулся наставник.

– Вроде бы.

– Может, тебе все же лучше с Гесей работать?

– Нет, – замотала головой та. – Мне здесь нравится.

– Ну как знаешь. Материалы для мастерской ещё есть?

– Пока да. Провода только маловато. Если закажут освещение в большой дом, то может и не хватить.

– Когда закажут, тогда и будем думать, – отмахнулся Дмитрий. – Там помимо проводки столько всего понадобится, десять раз успеем заказать.

– Ага, – фыркнула девушка.

– Что смешного?

– Да названия смешные, то кобели, то про водку.

– Обхохочешься.

– Ой, – спохватилась девушка, взглянув на старые ходики, висящие на стене. – Пора чайник ставить.

По заведенному Будищевым порядку его работники столовались прямо в мастерской. Утром им полагался чай с хлебом, в обед и вечером щи или каша, приготовленные Стешей. Бывший детдомовец сам когда-то хлебнул шилом паточки, и, наверное, поэтому проявлял настоящую заботу о своих подопечных. Кормил, заставлял учиться, при надобности покупал одежду и обувь. Это не было благотворительностью. При случае Дмитрий строго спрашивал за промахи, мог и наказать, но заставлять детей работать по двенадцать-четырнадцать часов за сущие копейки, как другие фабриканты он не мог. Во всяком случае, пока.

Сейчас как раз было время вечерней трапезы. Оставив на время работу, мальчишки по очереди мыли руки, дурачась при этом и плеская друг на друга водой. Затем занимали место за общим столом и терпеливо ожидали свою порцию.

Каждому полагалось по миске каши, жестяной кружке круто заваренного чая да по четверти фунта хлеба. Раздавала всё это, разумеется, Стеша, накинувшая поверх своего щегольского наряда холщовый фартук. Первыми как обычно получили единственные взрослые работники мастерской гальванер Ефим и медник Архип. Заняв место во главе стола, они степенно работали ложками, снисходительно поглядывая на учеников. Те, напротив, мгновенно сметали всё съестное и озирались вокруг, чего бы ещё урвать. Сегодня, впрочем, даже они вели себя относительно пристойно. Всё-таки присутствовал хозяин.

– Будете есть, Дмитрий Николаевич? – спросила Стеша.

– Нет, я не голоден, – отказался тот. – Но от чаю не откажусь.

Получив такую же кружку, как и все, он присел за общий стол и выложил на него ещё один кулек с конфетами со словами:

– Налетай. Подсластите свою горькую жизнь!

Мальчишки, проявив не свойственную им деликатность, поделили угощение на всех, не забыв старших товарищей и Степаниду. После чего бросились дуть чай с карамельками.

– Балуете вы нас, – хмуро заметил Архип, закончив с едой.

– Тебе что, плохо? – шикнул на него недавно женившийся гальванер, пряча конфету в карман.

– Мое дело сторона, – пожал плечами медник. – А вот мальчикам, как подрастут, туго придется. В прочих местах с

ними нянчиться не станут.

– Хорошие мастера везде нужны, – усмехнулся Дмитрий, шумно прихлебывая чай.

– Всё одно, баловства терпеть не станут!

– Ну, я же тебя терплю?

Будищеву и впрямь иногда приходилось «терпеть» Архипа. Мастер от бога, он обладал желчным и неуживчивым характером, а также злым языком, отчего не раз терял работу. Однако имея весьма востребованную профессию, тот и не думал исправляться, продолжая резать всем вокруг правду-матку, или точнее, то, что понимал таковой. Дмитрий тоже ценил его, особенно за умение понять с полуслова, что от него надо и тут же изготовить требуемое, не задавая лишних вопросов.

– Дозвольте закурить? – подобострастно спросил Ефим, доставая кiset.

– В специально отведенных для этого местах! – отрезал хозяин.

Поскучневший гальванер неохотно поднялся со своего места и оправился в «курилку» – огороженное место во дворе, вокруг которого стояли ящики с песком для окурков. Вообще, с пожарной безопасностью вокруг царил полный мрак. Поначалу казалось, что ей вообще никто не заморачивался. Рабочие дымили, где хотели, тут же бросали окурки, иной раз не озаботившись затоптать. Угли при чистке печей тоже вываливались где попало. Опасность, разумеется, осознава-

лась и даже существовали известные правила по складированию горючих материалов и допуску к ним, но на практике никто на это не обращал внимания, отчего пожары случались с удручающей регулярностью, но воспринимались большинством народа как кара Божья.

Дмитрий в своей мастерской первым делом завел строгие порядки на этот счет и требовал их неукоснительного соблюдения. Как ни странно, желчный Архип воспринял их как само собой разумеющееся, а вот Ефим, похоже, считал господской блажью.

Семён появился вскоре после ужина, уставший, голодный, но при этом ужасно довольный. Похоже, клиенты не обидели парня с чаевыми, и теперь он чувствует себя добытчиком.

– Где же ты столько времени пропадал, горе моё? – напустилась на него Стеша.

– Работал, – солидно пожал плечами тот и тут же жалобно спросил: – Поесть-то оставили?

– А как же, – начала хлопотать девушка, – только остыло уже всё!

– Ничего! – повеселел юный монтажник. – Хоть не обожгусь.

– Жуй давай, да домой пойдем, – улыбнулась она и показала на часы: – Смотри, который час!

– Кстати, о часах, – спохватился Дмитрий и достал из-за пазухи небольшой сверток.

– Что это?

Будищев, загадочно улыбаясь, развернул его, и там оказалось настоящее чудо – маленькие часы, сделанные заодно с серебряным браслетом. Щелчок и замочек защелкнулся вокруг Стешиного запястья.

– Какая красота! – ахнула девушка. – Где ты их взял?

– Где взял, там нет! – усмехнулся тот. – Нравится?

– Ещё бы!

На самом деле, эти часики ещё совсем недавно были женским кулоном, и его, в числе прочего, предложили Дмитрию, когда они с Гесей выбирали ей подарок. Гедвиге Генриховне они не приглянулись, и она остановила свой выбор на другой модели, более дорогой и презентабельно выглядевшей. А вот Будищев сумел оценить украшение и купил его позже. Затем был визит к ювелиру, а тот, в свою очередь, изготовил к нему изящный браслет. Подарок получился на загляденье.

– Я не могу его принять, – замотала головой Стеша.

– Что так?

– Они очень дорогие и вообще...

– Прекрати, – отмел возражения наставник. – Ты принимаешь клиентов и должна выглядеть на все сто! Такие вещи сейчас не делают, я узнавал. Дамы носят часы как кулоны, да к тому же частенько их даже не заводят. Так что у тебя будет вид модный и деловой.

– Ты с ним такая красивая, – подключился к уговорам Сёмка. – Даже лучше, чем Гедвига!

– Только при ней это не ляпни! – ухмыльнулся Будищев.

Степанида ещё некоторое время посомневалась, но браслет так хорошо сидел на руке, что отказаться от подарка казалось выше её сил.

– Нет, не возьму! С чего такие подарки, чай не праздник...

– Вот что, Степанида! – разом прервал все более слабые возражения начальник. – Это тебе не безделушка какая-нибудь, а рабочий инструмент. И нужен он не для того, чтобы перед кавалерами форс держать, а производить благоприятное впечатление на потенциальных клиентов. А если непременно нужен праздник, то пожалуйста. Сегодня какой день?

– Какой?

– Ну, здравствуйте! Поминовение Стефании Дамасской¹⁶. Именины у тебя, солнышко!

– Ой, и правда. А я и забыла, столько всего случилось в последнее время...

– Это верно, – вздохнул Дмитрий и с нежностью провел рукой по волосам девушки. – Тяжелый выдался год у нас. Я бы сказал насыщенный. Надеюсь, следующий будет легче.

Стеша в ответ благодарно обняла его, но сама подумала, что следующий 1880 – год високосный, и от него, как известно, добра не жди¹⁷. Но она была девушкой умной, а потому говорить ничего не стала.

¹⁶ 11 ноября по старому стилю.

¹⁷ Есть такая примета. Кто не верит, посмотрите на нынешний.

Паровоз был похож на огромное чудовище из сказок. Он пыхтел, отдувался, иногда оглушительно гудел, отчего сердце Фёдора всякий раз замирало. Да и как тут не испугаться? Оно, конечно, приходилось ему и прежде добираться до места на поездах, да и на войне он всякого навидался, а только разве к такому привыкнешь? К тому же приехал он не куда-то, а в самую столицу! Санкт-Петербург, понимать надо!

Народу вокруг было – пропасть! И все куда-то шли, спешили, непонятно как умудряясь не сталкиваться между собой. Чисто муравейник. Однако деваться некуда, и ему тоже нужно идти. У кого бы спросить только, как добраться до этого самого переулка? Адрес у Феди был записан на листочке бумаги, который он, чтобы не потерять, завернул в чистую тряпицу и положил за пазуху.

– Куда прикажете, ваше степенство? – улыбаясь во весь рот, крикнул с облучка краснощекий извозчик в лаковом цилиндре и добротной шубе. – Только скажите, мигом домчим!

– А до Мошкова переулка, к примеру, сколько будет? – осторожно поинтересовался парень, по простоте принявший это предложение на свой счет.

– Сущие пустяки, господин хороший. За пятерку домчим со всем нашим удовольствием!

– Сколько? – задохнулся Фёдор от несуразности запро-

шенной суммы.

– А ну посторонись, деревенщина! – басом рыкнул господин в богатой шубе и бобровой шапке.

Отскочивший в сторону от испуга Федя едва не растянулся под всеобщий смех, а напугавший его купчина плюхнулся в возок и велел кучеру:

– Трогай!

– Куда же ты, сиволапый, со свиным рылом в калашный ряд лезешь? – почти сочувственно поинтересовался непонятно откуда взявшийся городской.

– Так я это, – только и смог ответить парень, разводя руками.

– А пачпорт у тебя имеется?

– Конечно, – засуетился тот и полез за пазуху, отчего пола нагольного полушубка распахнулась, открыв внимательному взгляду полицейского георгиевский крест и медаль на потрепанном мундире.

– Воевал?

– Так точно! Сто тридцать восьмого Болховского полка ефрейтор Шматов.

– Демобилизован?

– Вчистую.

– А в Мошков переулоч тебе за какой надобностью?

– Друг у меня там проживает. Звал к себе, обещался с местом помочь.

– Друг, говоришь, – насторожился страж порядка.

– Ага. Воевали вместе.

– Тоже кавалер?

– Бери выше, бантист!

– Ишь ты. Тогда понятно, как он в таком месте поселился.

Швейцаром должно или ещё кем...

– Не знаю, господин городской.

– И города тоже не знаешь?

– Как есть, не знаю!

– Тогда слушай. Ступай во-о-он туда. Там извозчики попроще стоят. К лихачам не суйся, у тебя на них всё одно не хватит. Сторгуй кого-нибудь вашего крестьянского звания. И смотри, больше двугривенного не давай!

– Благодарствую, – поклонился парень, и, подхватив свой мешок, бросился куда было указано.

– Вот тюха, – с усмешкой подкрутил ус полицейский. – А ещё кавалер!

Последовав совету, Шматов вскоре добрался до нужного ему адреса и с опаской вошел во двор. То, что простым людям в парадное лучше не соваться, потому как не про них этот вход, он уже знал. Чай, не совсем дурак. И тут же наткнулся на коренастого круглолицего татарина, чистившего снег деревянной лопатой.

– Тебе чего? – поинтересовался тот и, расплывшись в улыбке, отчего и без того узкие глаза превратились в щелочки.

– Мне бы товарища повидать, – робко спросил Федя. –

Живет он здесь...

– Какого товарища?

– Графа...

– Что-то ты напутал, парень. Я в этом доме всех знаю, не живет тут графов. Подполковник есть. Колежский советник тоже есть. Купцы первой и второй гильдий. Опять же. Был, правда, барон, но помер года три назад, а вот графов с князьями нету.

– Ой, – чертыхнулся про себя Шматов. – Граф это прозвище, а фамилие его Будищев.

– Дмитрий Николаевич? – изумился татарин.

– Ага. Митька... в смысле Дмитрий.

– Эх ты, валенки! – покачал головой дворник и, отставив в сторону лопату, велел: – Ступай за мной, провожу.

Поднявшись на второй этаж, провожатый скинул варежку и ткнул заросший рыжими волосами палец в какую-то диковинную кнопку на стене. Раздалась резкая трель, отчего Федька вздрогнул и едва удержался от желания перекреститься. Обитая коричневой кожей дверь бесшумно отворилась и на пороге появилась какая-то очень красивая барышня.

– Что случилось, Ахмет?

– Да вот, Степанида Филипповна, человек господина Будищева спрашивает.

– Доброго здоровьичка, – поклонился Федор, стянув с головы треух.

– Здравствуйте. Только Дмитрия Николаевича теперь нет.

– Вот незадача, – огорчился Шматов. – А скоро ли будет?

– Не знаю. А вы по какому делу?

– Да повидаться хотел...

– Вы знакомы?

– Стеша, кто там? – спросила барышню подошедшая из глубины квартиры дама и, выглянув наружу, удивленно воскликнула: – Федя?

– Госпожа Берг, – расплылся в счастливой улыбке парень. – Так точно, я это.

– Вы его знаете? – уточнил всё ещё сомневающийся дворник.

– Ну, конечно! Это же Федя Шматов. Они вместе с Дмитрием Николаевичем служили в Болховском полку. Феденька, заходи! Только валенки свои отряхни веником, пожалуйста.

Заявившийся примерно через час Будищев, казалось, совсем не удивился появлению армейского приятеля.

– Здорово, дружище! – весело воскликнул он, крепко обнимая Федьку. – Ну что, не замордовали тебя на службе?

– Не-а, – улыбнулся во весь рот Шматов. – В Болгарии хорошо было, а как нас в Рассею вернули, так и срок мой вышел. Демобилизовали.

– Добро, коли так, – усмехнулся Дмитрий и, обернувшись к своим женщинам, спросил: – Красавицы, вы нас кормить сегодня будете? А то я устал как чёрт, да и замерз к тому же.

Напоминание, впрочем, оказалось излишним, поскольку Геся и Стеша уже суетились, накрывая круглый стол посреди гостиной. Завидев супницу, из которой доносился аромат щей, фаянсовые миски и мельхиоровые столовые приборы, Федька оробел и не знал, куда себя девать. Но гостеприимный хозяин, не обращая внимания на его стеснение, усадил однополчанина рядом с собой и тут же наполнил хрустальные рюмки водкой из запотевшего графинчика.

– Давайте за встречу!

Все, кроме Степаниды и Семёна, которым выпивка не полагалась по малолетству, дружно выпили.

– Хороша! – крикнул Будищев, и, заметив выразительный взгляд Геси, с хитрой улыбкой добавил: – Особенно с мороза.

– Это верно, – поддакнул порозовевший Шматов.

– Кушайте, пожалуйста, – налила ему полную тарелку Стеша и, вернув половник в супницу, присела рядом с усиленно работающим ложкой мальчишкой.

– Благодарствуйте, хозяйюшка, – отозвался парень и принялся за еду.

Поскольку в доме Будищева все работали, приготовление пищи лежало на прислуге – улыбчивой вдове лет сорока пяти по имени Авдотья. Официально она числилась кухаркой, но вдобавок к заботам на кухне закупала продукты, убиралась в доме и вообще вела хозяйство. Иногда ей помогала Степанида, да и Гедвига Генриховна, бывало, баловала сво-

их домашних тельной закуской из сельди или запеканкой¹⁸, но в основном та прекрасно справлялась сама, тем более что её хозяйева были людьми непривередливыми.

– Знаменитые щи! Наваристые, – похвалил Федька с блаженной улыбкой.

– Это ты ещё солянки в исполнении нашей поварихи не пробовал, – заметил Дмитрий и пододвинул к приятелю рюмку, – давай вздрогнем, и расскажешь, как там наши?

– Слава богу, все живы, – начал обстоятельный рассказ Шматов. – Северьян Галеев на сверхсрочную остался, скзывали, уже в фельдфебели метит. Как чувствовал, что мы встретимся, велел кланяться. Степка Егоров, что артельщиком был, как и я, демобилизовался. Говорил, трактир откроет.

– Этот сможет. А офицеры?

– По-разному. Их благородие господина Гаупта перевели в штаб, Михау тоже куда-то черт унёс. А вот Всеволод Михайлович служат ещё.

– Это ты про Гаршина, что ли?¹⁹

– Ага. Хороший офицер, с понятием. А вот господин Малышев в отставку подали.

– Понятно. А теперь расскажи, где ты шарахался до сих пор?

¹⁸ Русские названия форшмака и кугеля – традиционных блюд еврейской кухни.

¹⁹ В этом варианте истории Гаршин не получил ранения и продолжает служить.

– Так домой в деревню отправился.

– И что там?

– Худо, – не стал скрывать Фёдор. – Мамка ещё прошлой зимой померла. Один я остался. Избенка без пригляду совсем худая стала, скотину мир разобрал, так что хозяйства почитай, что и нету. Я сперва на заработки подался в Рыбинск. А уж там барчука нашего встретил.

– Лиховцева?

– Его.

– Ну и как он?

– Бедует.

– Прямо-таки бедует?

– Известное дело. Хоть и благородный, а без ноги трудно!

– Тоже верно.

– Так вот он мне твой, то есть ваш, адрес и дал!

– Я так и понял, – покивал Будищев, потом с сомнением оглядев наряд однополчанина, обратился к Гесе: Гедвига Генриховна, счастье моё, ты видишь, как одет наш друг?

– Как крестьянин, – отозвалась та, сделав вид, что не поняла намека.

– А разве это хорошо?

– Смотря для чего.

– Для жизни в большом городе!

– Дмитрий, что ты от меня хочешь?

– Блин, я тебе конкретно намекаю, что надо бы его приодеть!

– Ты думаешь, ему подойдет отделанная кружевами кофточка из розового муслина?

– Из какого нафиг муслина, и почему кофточка?

– Господи, Будищев, а ничего, что у меня мастерская по пошиву дамского платья?

Услышав это, Стеша с Семёном чуть не поперхнулись от смеха, а раскрасневшийся от выпитого Фёдор только растерянно хлопал глазами, не понимая толком, о чём идет речь.

– Молчать, женщина, – шутливо пригрозил пальцем своей половине хозяин дома. – Твой день – восьмое марта!

– Я серьезно, Дима. У нас и ткани и фурнитура рассчитаны для дам, причем весьма небедных. Разумеется, мне и моим работницам достанет квалификации пошить мужской костюм, но сам подумай...

– Не надо, – попробовал робко возразить Шматов, но бывший унтер на корню пресек дискуссию.

– Федя, извини, конечно, но ты выглядишь, как последнее чмо! А в Питере, брат, везде встречают по одежке. Стало быть...

– И эта одежка не должна сидеть как на корове седло, – мягко прервала сожителя Геся. – Я вполне согласна, что нашему другу нужно обновить гардероб, но это не значит, что ему немедленно следует пошить фрак!

– И что ты предлагаешь?

– Вообще-то существуют лавки готового платья. Но если это не подходит, то своди его завтра к Анне и дело с концом.

– Ты про Виртанен?

– Именно. Она хорошая портниха и работает быстро.

– Ладно, уговорили, – нахмурился Будищев, – завтра сходим к Аннушке.

– А кто это? – осторожно поинтересовался Федя.

– Завтра узнаешь. Хотя нет. Завтра не получится, нам с Барановским нужно в Кронштадт.

– Зачем? – насторожилась Геся.

– По делам.

– Это понятно, но какие у тебя дела с флотом?

– Самые разные, солнце моё. В основном по пулеметам, ну и у минеров тамошних какие-то неполадки. Просят помочь.

– Минеров?!

– Не пугайся так. Просто у нас на флоте именно они и заведуют всей электрикой.

– Я могу отвести Фёдора к Анне, – неожиданно вызвалась Стеша. – Нам с Семёном все равно надо на Выборгскую сторону. Вот и проводим.

– А ведь верно, – обрадовался Дмитрий. – Сходите, а заодно и Аннушку проведаете. Передавайте привет. Сто лет её не видел.

– Хорошо.

– Вольно же тебе каждый день проделывать такой путь, – покачала головой Геся, не одобрявшая работу девушки в гальванической мастерской. – Да ещё в такой холод...

– Ничего страшного, – не согласился Будищев, – возьмут

извозчика и мигом будут на месте.

– Как знаете, – не стала спорить та и повернулась к гостю: – Федя, хочешь чаю?

– Вот только чаю нам и не хватало! – заржал Дмитрий и снова взялся за графинчик.

– В таком случае можете продолжать, – пожала плечами Гедвига Генриховна. – А мне рано вставать, так что я вас оставлю. Это и вас касается, молодые люди!

Услышав нетерпящий возражений голос, Сёмка со Стешей послушно поднялись и отправились к себе в комнату. Точнее, это была комнатка Степаниды, а мальчик обычно ночевал на диване в гостиной, но сегодня это место отвели гостю, так что девушке пришлось потесниться, а чтобы она не смущалась, туда перенесли из спальни большую ширму.

Оставшись одни, приятели с удовольствием выпили, после чего продолжили разговор.

– Слушай, Граф, – замялся Фёдор. – Выходит ты и впрямь в благородные вышел?

– Пока нет, – усмехнулся Будищев.

– А барчук, правда, у тебя управляющим?

– Да.

– Чудны дела твои, Господи! А с сестрой Берг вы как встретились?

– В лесу случайно. Грибы собирали.

– Какие грибы?

– Подосиновики.

– Смеешься?

– Ты ещё обидься!

– Чего мне обижаться, чай, не барин. А Стеша с Сёмкой, они тебе кто?

– Считай, что дети.

– Эвона как...

– Вот что, Федя, расскажи-ка мне лучше, как ты дошел до жизни такой?

– Ты про что?

– Помнишь, перед тем как в Россию вернуться, я всем вам раздал причитающееся за добычу?

– Помню.

– Ну и отчего ты, друг ситный, снова голой жопой на голой земле оказался? Там ведь не кислая сумма для простого крестьянина выходила. Вон Егорову, ты говорил, даже на трактир хватило, а с тобой что не так?

– Дык, это, – замялся парень.

– Пропил-прогулял?

– Нет, что ты! – испугался тот. – Просто, понимаешь...

– Бабы?

– Сестренки, – вздохнул Шматов. – Одна младшая, ей приданое справил. А у той, что старше, дети мал-мала меньше, а тут корова как на грех пала. В доме шаром покати и племянники голодными глазами смотрят, а сами ровно шкилеты! Вот я и того... не перезимовали бы они...

– Понятно. Пожалел, стало быть.

– Ага!

– Ну и ладно. Детей хоть выходили?

– Слава Богу! – обрадованно закивал приятель, поняв, что

Будищев не сердится. – Меньшой, правда, все одно помер. Слабый был, а остальные ничего так...

– Тьфу! – сплюнул Дмитрий от досады, но потом вспомнил, как крестьяне относятся к жизни и смерти, и успокоился.

– Не ругайся, Граф.

– И не думал. Скажи лучше, чем думаешь заняться?

– Мне бы на завод какой поступить, – вздохнул парень и с надеждой посмотрел на приятеля.

– Дело хорошее! А специальность у тебя есть?

– Нет пока. Но я выучусь. Вот тебе крест! Ты же знаешь, я страсть какой сметливый...

– Угу, – хмыкнул бывший унтер, прекрасно помнивший, что со сметкой на службе у того было не очень. – Ладно. Потом потолкуем. Сейчас спать пора.

С тех пор и началась у Шматова новая жизнь. Дмитрий усвистал из дома ни свет ни заря, успев только побриться и велел товарищу сделать то же самое. Даже завтракать не стал, сказав, что перехватит чего-либо в вокзальном буфете. Зато Федора снова усадили за стол, налили большую чашку крепко заваренного чая и поставили цельную миску ещё горячих булок, а к ним масла, ветчины и ещё разных вкусностей, ка-

ких парень раньше не то что не пробовал, а и не видывал.

Гедвига Генриховна, которую он про себя все ещё называл сестрой Берг, и Стеша ели понемножку, ровно птички клевали, а вот Сёмка разрезал пополам булку, щедро намазал одну её часть маслом, сверху водрузил ломоть ветчины, затем сыра и, накрыв сверху второй половиной, смачно откусил получившуюся конструкцию.

– Кушай, Федя, не стесняйся, – улыбнулась Геся. – Бери пример с Семёна.

– Так ведь пост ныне...

– А вчера что было? – высоко подняла брови хозяйка.

– Вчера я с дороги был, – робко возразил парень, чувствуя себя при этом крайне неловко. – Путникам дозволяется послабление...

– Ну, как хочешь, – одними губами улыбнулась модистка.

Чертыхаясь про себя, что полез со своим уставом в чужой монастырь, Федя хлебал пустой чай. Стеша и без того не оскоромилась за завтраком, а что касается смутившегося поначалу мальчишки, то он здраво рассудил, что этот грех не велик, и отмолить его не составит большого труда, продолжил расправляться со своим бутербродом и вскоре вышел из этой неравной борьбы победителем.

Потом они оделись и вышли на улицу. Гедвиге до её мастерской было недалеко, а Шматов и дети направились к конке. К счастью, долго ждать им не пришлось, и скоро они сидели в вагоне, увлекаемом вперед парой крепких лошадок.

Двигались они, надо сказать, не слишком быстро, к тому же внутри было холодно, но все же ехали, а не шли.

– Скоро все конки переделают в трамваи! – авторитетно заявил Сёмка.

– Это как? – удивился Федя.

– Это такой же вагон, – начал объяснять мальчишка, – только на гальванической тяге. Без лошадей.

– Враки! – хмыкнул благообразный мещанин, ставший невольным свидетелем их разговора. – Где это видано, что бы конка без лошадей двигалась?

Шматову это тоже показалось невероятным, но в последнее время он видел много разных диковин, каких раньше не смог бы и вообразить. Что же касается юного прожектора, то он, смерив незваного собеседника презрительным взглядом, продолжил рассказывать Фёдору про чудеса техники.

– И откуда ты это только знаешь? – удивлялся тот.

– Так я же гальванер! – с апломбом заявил мальчишка.

– Ты?

– Я! Да меня, если хочешь знать, сам Дмитрий Николаевич всему обучил. Я у него самый первый ученик. Мы с ним у самого герцога Лейхтенбергского звонки ставили...

– Ха-ха-ха, – каркающим смехом отозвался продолжавший греть уши мещанин. – Да кто тебя к такому важному человеку на порог пустит. Экий ты враль, парень...

– Нам пора выходить, – прервала не начавшуюся ссору Стеша, и они вышли.

Пока шли, Федор усиленно крутил головой, пытаясь хоть немного запомнить дорогу, но у него ничего не получалось, а пояснения, которые давал словоохотливый Семен, лишь ещё больше запутывали недавнего крестьянина. Наконец они прошли по большому мосту через Неву и оказались на Выборгской стороне. Дома тут были попроще, народ на улицах тоже и скоро они оказались у дома, где раньше жил Будищев, о чем сразу же сообщил неугомонный мальчишка.

Анна Виртанен, миловидная женщина средних лет с приятными чертами лица, тоже жила здесь и зарабатывала себе на жизнь шитьем. Поговаривали, что прежде у неё была своя лавка, которую отняли после смерти мужа алчные родственники. Но теперь она была простой портнихой, хотя дела у неё шли не так уж и плохо.

– Здравствуйте, мои хорошие, – радушно поприветствовала она детей. – Что-то вы давно не появлялись, совсем про меня забыли!

– Неправда ваша, тетя Аня, – возразил Сёмка. – Давеча я к вам забегал...

– Ой-ой-ой, то-то что забегал. Ладно, заходите, погрейтесь, а то мороз нынче злой. А это кто с вами?

– Это сослуживец Дмитрия Николаевича, – пояснила Стеша.

– Они вместе турок били! – быстро добавил мальчишка, будто опасаясь, что девушка всё расскажет без него.

– Что же, приятно познакомиться, – улыbnулась Анна, по-

жиравшему её глазами Шматову.

Фёдору его новая знакомая приглянулась с первого взгляда. Приятное и доброе лицо. Чистенькое, хорошо сшитое платье с передником. Говорит вежливо, но при этом видно, что не барыня. Ему страшно захотелось произвести на неё благоприятное впечатление и молодцевато гаркнуть, что он, де, ефрейтор героического Болховского полка, и крест ему не кто-то, а сам наследник-цесаревич на грудь повесил. Но вместо этого, он смущенно стащил с головы треух паренёк и представился: – Шматов я, Федя. Из деревни Никульской, что под Рыбинском. Не слышали?

– Конечно, слышали, – обрадованно вставил ехидный Сёмка. – Кто же в Питере не знает про вашу деревню!

– Правда?

– Простите, но нет, – мягко улыбнулась женщина и укоризненно посмотрела на мальчишку.

– А что я сказал? – сделал невинное лицо тот, но Стеша одернула его.

– Тётя Аня, – пояснила она. – Фёдор только вчера приехал, и ему нужно прилично одеться. Ну, вы понимаете...

– Конечно. Молодой человек, снимайте свой полушубок, и я возьму с вас мерку. Кстати, что именно вам нужно?

– Не знаю, – промямлил тот. – Пиджак, наверное...

– Костюм, жилетку, пару рубашек, – начала перечислять девушка, очевидно, получившая от Будищева исчерпывающие инструкции. – Всё хорошего качества, но не брос-

кое. Дмитрий Николаевич сказал, что всё оплатит, а вот это аванс.

– Костюм мастерового или приказчика?

– Мастерового, – улыбнулась Стеша.

– Хорошо. Цвет?

– На ваше усмотрение.

Разоблачившийся, наконец, Фёдор стоял перед портничихой, послушно поворачиваясь или поднимая руки, когда та велела. Анна быстро обмерила его, попутно черкая в записную книжку получившиеся цифры.

– Готово. Может быть, чаю?

– Спасибо, но в другой раз, – отказалась девушка. – Нам уже пора.

– Ты все так же работаешь в мастерской?

– Да.

– Не слишком подходящее место для барышни.

– Да какая же я барышня! – засмеялась Степанида. – Скажете тоже.

– Как сказать, – покачала головой портничиха. – Выглядишь ты сейчас прекрасно, одета со вкусом, держишься с достоинством. Наверняка у тебя нет отбоя от кавалеров.

– Пусть только сунутся, – насупился Сёмка. – Я их враз отважу!

– Значит, мы можем быть спокойны, – улыбнулась Анна.

– Ну, нам пора. Дядя Федя, вы дорогу назад найдете, или...

– Нет! – испугался Шматов. – Я лучше с вами пойду.

Торопливо накинув полушубок и едва не запутавшись в нём, он во все глаза смотрел на швею с немного странной фамилией Виртанен. Та, продолжая улыбаться, подошла к парню и, поправив одежду, застегнула ему крючки с почти материнской заботой.

– На первую примерку приходите через три дня.

– Хорошо. Приду.

– Я буду ждать.

Летом в Кронштадт лучше всего добираться пароходом, регулярно снующим между крепостью и столицей. Но зимой, когда воды Финского залива скованы ледяным панцирем, приходится нанимать сани. Дорога эта не самая простая, поскольку даже в самом надежном льду могут случиться полыньи, а потому извозчик стоит недешево. Однако Барановского с Будищевым это не смущало. В санях пахло сеном и лошадиным потом, а ещё свежим морозным воздухом, какой бывает только над морем. Крепкий гнедой конь, глухо цокая по льду копытами, быстро тащил сани. Ровная на первый взгляд поверхность на самом деле имела перепады, как будто морские волны замерзли в одночасье, и укрытых меховой полстью пассажиров едва не укачало дорогой.

Впрочем, в остальном путешествие было даже приятным, а когда их экипаж достиг места назначения и стал петлять между вмерзших в лёд кораблей, даже интересным. Влади-

мир Степанович, как оказалось, хорошо разбирался в последних, и охотно давал своему спутнику необходимые пояснения.

– Смотрите, Дмитрий, это трехбашенный красавец назван в честь адмирала Лазарева. До появления «Петра Великого» он и его сестершипы были самыми мощными кораблями нашего флота. А вот это «Герцог Эдинбургский» – новейший броненосный фрегат, или, если угодно, крейсер.

– С чего такое название? Мы вроде с англичанами не дружим.

– Вы правы. При закладке он имел имя «Александр Невский», но во время строительства к нам с визитом прибыл зять государя герцог Альфред, и корабль переименовали в его честь.

– Понятно.

– А вон та громадина и есть броненосец «Пётр Великий».

– Что-то он не очень громадный, – скептически отозвался Будищев.

И действительно, изо льда выглядывал лишь невысокий борт, две башни, между которыми стояла грибообразная рубка, за ней толстая дымовая труба и большая мачта. Ещё две мачты поменьше, стояли в оконечностях, перекрывая артиллерии возможность стрелять в нос и корму.

– Особенность конструкции, – улыбнулся Барановский. – Это же монитор, просто очень большой. Но, как бы то ни было, это самый мощный корабль не только нашего флота,

но и мира.

– Ничего себе!

– Говоря по правде, – доверительно наклонился к компаньону фабрикант, – у этого броненосца большие проблемы с машинами и котлами. Ходят слухи, что летом его направят на ремонт в Англию, где их полностью заменят.

– Что, наши схалтурили?

– Увы, мой друг, но да! Завод Берда, где их изготовили, сейчас практически обанкротился. Можно даже сказать, что эти машины и погубили предприятие.

– Это ещё почему?

– Так ведь за них не заплатили.

– Если машины негодные, то оно и правильно!

– Не буду спорить.

– А это что за страшилище? – спросил Дмитрий, показывая на угловатый корабль с одной трубой и тремя мачтами, в высоком борту которого четко выделялись порты для пушек.

– «Не тронь меня»!

– Что?!

– Ха-ха-ха, – весело рассмеялся Владимир Степанович. – Это плавучая броненосная батарея называется «Не тронь меня»!

– Хорошее название. Красноречивое.

– Это верно.

Идея поездки в Кронштадт у компаньонов появилась,

можно сказать, спонтанно. Первые два пулемета, изготовленные ещё летом, были отправлены на флот для натуральных испытаний и, как водится, пылились в арсенале без всякого дела. Путилов, получив эту информацию, поделился с Барановским, тот с Будищевым, а Дмитрий в свою очередь предложил устроить для моряков демонстрацию технических новинок. Идея неожиданно пришлась по вкусу и после недолгой подготовки они отправились в путь.

Первым номером программы, разумеется, была демонстрация «Митральез Барановского-Будищева». На диковинное представление собралось множество офицеров, большинство из которых были молодыми мичманами и лейтенантами. Встречались, впрочем, и более высокие чины, вроде капитана первого ранга Владимира Павловича Верховского и контр-адмирала Константина Павловича Пилкина. Присутствовал также герой недавней войны, начальник отряда миноносков капитан второго ранга Степан Осипович Макаров.

Руководить демонстрацией должен был один из артиллерийских офицеров броненосца «Не тронь меня», лейтенант Шеман, считавшийся специалистом по скорострельным орудиям.

– Что вы так долго? – немного раздраженно спросил лейтенант у всё ещё возящегося с механизмом пулемета Будищева.

– Смазку меняем, – коротко отвечал тот.

– Опасаетесь низкой температуры? – сообразил офицер. – Однако день сегодня солнечный.

– Береженого Бог бережет, – пробурчал изобретатель, после чего иронически взглянув на моряка, добавил: – А не береженого конвой стережет!

Николай Николаевич Шеман происходил из дворян Великого княжества Финляндского и к русским относился не то чтобы с презрением, вовсе нет, скорее с некоторым предубеждением, хотя и отдавал должное их силе и упорству. К тому же он знал, что этот выбившийся из мастеровых купец ещё совсем недавно был нижним чином. Так что его острословие было по меньшей мере неуместным... Но по какой-то причине, непонятной даже ему самому, лейтенант не стал делать замечание развязному купчику. Чувствовался в том, какой-то внутренний стержень, не часто встречающийся у представителей низших сословий.

– Готово, ваше благородие, – доложил, наконец, Будищев. – Теперь не подведет.

– Прекрасно, – кивнул лейтенант и, не удержавшись, спросил: – И часто надо смазывать механизм?

– Пулемет, как женщина, любит ласку, чистоту и смазку, – не задумываясь, отвечал Дмитрий. – Причем, чем тяжелее условия, тем тщательнее надо за ним следить.

– И какие же условия вы полагаете «тяжелыми»?

– Пустыню, наверное, – пожал плечами изобретатель и пояснил: – Жара, пыль, песок.

– Понятно.

Пока Будищев готовил «адские машины» к демонстрации, нанятые им матросы успели наклеить рядом с вмерзшим в лёд броненосцем снежных баб. Что интересно, одни делали просто снеговиков, стоящих в ряд подобно солдатам, другие проявили творческий подход и вылепили настоящие скульптурные группки, изображавшие семьи с детьми, причем у фигур, изображавших женщин, рельефно выделялась грудь.

– Вот сукины дети! – добродушно усмехнулся Пилкин. – Хорошо, что я Марию Павловну с собой на это представление не взял.

– Может быть?.. – со значением в голосе поинтересовался состоявший у него флаг-капитаном Верховский.

– Оставьте, – отмахнулся адмирал. – У нижних чинов не так много радостей в жизни. Пусть развлекаются.

– Как прикажете.

Установив пулемет на мостике, Дмитрий обернулся к начальству. Погода для зимнего времени и впрямь была великолепной. На небе ни облачка и лучи не по-зимнему ясного солнышка нестерпимо блестели, отражались от снега, льда. Но это было даже хорошо, а вот отсутствие ветра могло сыграть злую шутку с испытателями. Дождавшись барственного кивка, Будищев нажал гашетку. Мерный рокот тут же заглушил все звуки, а у стоящих строем снеговиков начали сыпаться головы. Молодые офицеры, увидев это, принялись

с улыбками переглядываться, отзываясь о новом оружии явно одобрительно, а державшиеся в стороне матросы разразились радостными криками. Казалось ещё минуту, и они начнут подкидывать вверх бескозырки, но унтера удержали их.

Поменяв магазин, Будищев сделал ещё одну очередь, скопив на этот раз туловища у снежных фигур, после чего прекратил стрельбу, ожидая, когда рассеется дым.

– Ловко! – не то хваля, не то осуждая, отозвался Верховский. – А почему это ты, любезный, вон тех не тронул?

С этими словами офицер указал на «семейную группу» и обернулся к адмиралу, как бы прося присоединиться к вопросу. Пилкина, судя по всему, это обстоятельство тоже заинтриговало, и он с интересом уставился на пулеметчика.

– Солдат ребенка не обидит, ваше высокоблагородие, – с деланным простодушием развел руками тот, вызвав всеобщий смех.

– Циркач! – хмыкнул капитан первого ранга и, подумав, добавил. – А всё-таки дым мешает наводить эти митральезы!

– Не более чем любые другие скорострельные орудия, – благодушно возразил Константин Павлович и, взглянув на часы, спросил у стоящего рядом Барановского: – Но вы, кажется, не только этим удивить хотели?

– Именно так, ваше превосходительство, – почтительно отвечал тот. – Но для показа прочих приборов необходима некоторая подготовка.

Бурное развитие минного вооружения заставило руководство Русского Императорского флота создать для подготовки необходимых ему специалистов Минную школу, а затем и офицерский класс при ней. С момента основания руководил этим «богоугодным заведением» не кто иной, как адмирал Пилкин, слывший большим энтузиастом своего дела, сразу же поставивший обучение на высочайший уровень. А когда Константин Павлович стал заведующим минной частью всего российского флота, его сменил славящийся своей требовательностью Верховский.

Результаты этих усилий не замедлили сказаться. Несмотря на тотальное превосходство турецкого флота в минувшей войне, русским морякам удалось практически невозможное. Не имея на Черном море ничего, кроме вооруженных пароходов и утлых катеров, они заставили османские броненосцы прятаться в базах, боясь высунуть из них свой нос.

Располагалась школа в так называемом «Абрамовом доме», когда-то принадлежавшему знаменитому «арапу Петра Великого» Ибрагиму Ганнибалу. Для предстоящего показа была выбрана самая большая аудитория, в которой сейчас «колдовал» над своими приборами Будищев. Барановский тем временем развлекал господ-офицеров рассказами о своей пушке, снарядах, дистанционных трубках и прочих вещах, милых сердцу всякого военного моряка, будь он хоть трижды минером. К слову сказать, артиллерийский офицерский класс располагался в этом же здании, и большинство

его учеников были сейчас среди благодарных слушателей.

– Ну что же, господа, кажется, всё готово! – объявил Верховский, приглашая собравшихся войти.

Те организованно вошли в класс, осторожно переступая через проложенные кругом провода, и расселись за партами. Пилкин с штаб-офицерами заняли места за кафедрой, а Барановский с Будищевым остались стоять.

– Господа офицеры, – начал свою речь Владимир Степанович. – Давайте представим, что мы сейчас не в аудитории, а на боевом корабле. Фрегате, или, может быть, даже броненосце.

– Любопытное предположение, – хмыкнул Верховский. – И где же мы, по-вашему, в кают-компании?

Ответом на шутку капитана первого ранга были сдержанные смешки, но инженер, нимало не смутившись, продолжал:

– Таким образом, кафедра, где находится его превосходительство, будет боевой рубкой, а парты господ офицеров плутонгами²⁰.

– А это что? – нетерпеливо спросил недавно поступивший в офицерские классы мичман Володя Лилье, показывая на стоящий на парте прибор с циферблатом.

– Что нужно сделать, чтобы открыть огонь по неприятелю?

²⁰ Плутонг – группа орудий, как правило, одинакового калибра, расположенных в одном отсеке и способных вести огонь по одной цели. Позднее заменен термином «батарея».

лю? – продолжал Барановский. – Полагаю, ответ очевиден. Необходимо узнать дистанцию и сообщить её артиллерийским офицерам в плутонгах.

– Верно, – ответил Верховский. – Но что из этого следует?

– Соблаговолите объявить, каково будет расстояние до вражеского корабля.

– Да мне же откуда знать? Ну пусть будет пять кабельтовых!

Услышав это, Будищев повернул рукоять на стоящем перед ним механизме, отчего одновременно пришли в движение стрелки на приборах и остановились на цифре «5».

– А если восемь? – спросил начавший понимать, в чем дело, Пилкин, и по мановению руки изобретателя стрелки тут же показали на восьмерку.

– Да это же просто телеграф! – воскликнул все тот же мичман.

– Вы правы, – изобразил легкий поклон в его сторону Барановский. – Но хочу отметить, что данные приборы могут использоваться не только для передачи расстояний. Если поставить их несколько, то можно также указывать направление стрельбы, род снарядов, а также команды об открытии или прекращении огня и тому подобное. Таким образом, старший артиллерист из боевой рубки получит возможность дирижировать всей артиллерией корабля как оркестром. К сожалению, недостаток времени не позволил нам приготовить большее число циферблатов, с тем, чтобы более нагляд-

но продемонстрировать возможности системы, но, как мне кажется, общий принцип вам понятен.

– А от чего питаются ваши приборы? – поинтересовался внимательно следивший за опытами Макаров.

– От гальванических батарей, – пояснил молчавший до сих пор Будищев. – А на корабле запитаем от судового генератора.

– От чего?

– От динамо-машины, – поспешил вмешаться Барановский.

– Это невозможно! – снова подал голос Лилье. – Динамо-машины дают сто пять вольт, чего изоляция ваших приборов не выдержит.

– Невозможно спать на потолке, – немного грубовато ответил вспыхнувшему молодому человеку изобретатель. – А для цепи поставим реостат, или понижающий трансформатор, всего-то и делов.

– А мне нравится, – задумчиво заметил Пилкин. – Не надо будет гонять вестовых с командами. А ежели совместить эти приборы с системой Давыдова²¹, то может получиться очень недурственно.

Идея о подобной передаче команд давно витала в воздухе. Барановский даже работал над чем-то подобным, но

²¹ Приборы управления стрельбой (ПУС) системы Давыдова, позволяли производить залп из всех пушек корабля в момент, когда плоскость палубы совпадает с плоскостью горизонта.

по привычке собирался использовать для неё пневматику. Дмитрий, достаточно случайно узнав об этом, сразу же предложил использовать электричество и довольно быстро изготовил действующий образец, а тут подвернулась поездка в Кронштадт...

– Но это ещё не всё, господа! – снова привлек к себе внимание Барановский. – Есть ещё один прибор, который, как я надеюсь, будет иметь не меньшее значение для Российского флота.

– Да вы нас балуете, – барственно улыбнулся Пилкин. – Ну, показывайте.

– Извольте, ваше превосходительство, – кивнул инженер и обернулся к своему компаньону.

– У меня все готово, – ответил тот и жестом фокусника снял с соседнего стола покрывало.

Под ним скрывались какой-то громоздкий прибор, сплошь опутанный проводами, а также большой телеграфный ключ.

– Предлагаю вашему благосклонному вниманию, господа, беспроводный телеграф!

– Как это? – удивился Верховский, оказавшийся ближе других к загадочному устройству.

– Он состоит из искрового передатчика и детекторного приемника, – продолжал пояснять Владимир Степанович. – Имея два таких комплекта, можно обеспечить устойчивую связь между кораблем и берегом, или несколькими корабля-

ми в море, или же отдаленными пунктами на суше, между которыми по каким-то причинам затруднительно провести телеграфные провода.

– И что же, это работает? – не скрывая скепсиса, спросил адмирал.

– С помощью передатчика можно послать искровой сигнал, который и примет приемник. И если на то будет ваше позволение, то мы это немедленно продемонстрируем.

– Вы?

– Ну, не совсем мы. Для работы с ключом приглашены два опытных телеграфиста с Кронштадтской станции. Прошу любить и жаловать, господа.

«Опытные телеграфисты» оказались усатым коренастым техником средних лет и совсем юным коллежским регистратором в новеньком вицмундире. И тот и другой чувствовали себя в блестящем обществе офицеров флота немного скованно, но старались не подавать вида.

– Ну, хорошо, приступайте.

– Соблаговолите написать сообщение, которое будет передано. Что-нибудь морское.

Услышав это предложение, Пилкин пожал плечами и написал на листке несколько слов, который у него с поклоном принял чиновник, занявший место у ключа. На долю его товарища достались наушники и через минуту они были готовы к работе.

Для начала регистратор передал несколько цифр на про-

бу, после чего, убедившись в работоспособности системы, начал передачу. Телеграфист уверенно записывал полученные сигналы на листок, а затем принялся за их расшифровку.

Надо сказать, что особого впечатления это действие на собравшихся вокруг господ офицеров не произвело. Стучал молодой человек довольно громко, и все решили, что техник вполне мог воспринять этот стрекот на слух и потому записал без ошибок. Но стоявшие с непроницаемыми лицами Барановский с Будищевым стоически выдержали и недоуменные взгляды, и шепотки с смешками, пока во входную дверь громко не постучали, после чего на пороге появился новый гость, в котором большинство присутствующих тут же признали лейтенанта Константина Нилова, командовавшего миноноской «Палица», в отряде Макарова. Нимало не смущаясь, он прошел к кафедре и, отдав честь начальству, бодро отрапортовал:

– Разрешите доложить, ваше превосходительство. По беспроводному телеграфу получено сообщение, которое я имею честь вам представить!

С этими словами он протянул удивленному Пилкину конверт. Адмирал немедленно открыл его и, прочитав сообщение, гулко захохотал:

– Каково, господа!

– Что это значит? – подозрительно поинтересовался Верховский и, схватив бумагу, громко прочел «Команда имеет время обедать». Затем резко обернувшись к Нилову, капи-

тан первого ранга прошипел голосом, не предвещавшим ничего доброго:

– Господин лейтенант, где вы взяли эту бумагу?

– В соседнем доме, – ответил тот.

– Но... каким образом?!

– Там стоит такой же аппарат, который и принял эту телеграмму. Техник её записал, а я доставил вам.

– Радиограмму, – поправил его Будищев. – Это радио.

– Да-да, вы говорили, – кивнул Нилов.

– А давно вы знакомы с этими господами?

– С Владимиром Степановичем ещё до войны имел удовольствие свести знакомство. Что же касается отставного унтер-офицера Будищева...

– Как вы сказали?

– Так и сказал, унтер-офицер Будищев. В минувшую войну он служил под командованием подпоручика Линдфорса, с которым мы дружны ещё со времен детства. Я тогда только что принял минный катер «Шутка», поврежденный после атаки, предпринятой накануне лейтенантом Скрыдловым. И этот унтер-офицер, впрочем, в ту пору ещё рядовой, ухитрился починить нам гальваническое оборудование, а позже участвовал в атаке турецкого парохода, а после неё в перестрелке с башибузуками, за что я представил его к знаку отличия военного ордена.

– Это правда? – обратился к Дмитрию Пилкин.

– Так точно, ваше превосходительство! – по-солдатски

гаркнул тот в ответ.

– Так ты, братец, георгиевский кавалер?

– Бантист!

– Даже так. Что же не носишь награды?

– Стесняюсь, ваше превосходительство, – с покаянным видом ответил Будищев. – Только в церковь по воскресеньям и на день тезоименитства его императорского величества и надеваю.

– А ты дерзок, – усмехнулся адмирал, ничуть не обманутый нарочитой скромностью своего собеседника. – И хитер!

– Осмелюсь заметить, ваше превосходительство, – поспешил вмешаться Барановский, – что господин Будищев не только герой, но и весьма известный изобретатель. И митральеза, кою мы сегодня представили вашему благосклонному вниманию, и беспроволочный телеграф появились исключительно благодаря его таланту.

– Да что там говорить, – усмехнулся Нилов. – Гальванические звонки Будищева и те – его работа! А что же касается телеграфа, то первый образец он представил ещё во время войны, чему я сам был свидетелем вместе с уважаемым господином инженером.

– Наш пострел везде поспел! – заметил Пилкин, вызвав смешки присутствующих. – А не желаешь ли, братец, на флоте послужить?

– А что, – подхватил Верховский, – если прямо сейчас напишешь прошение, то в самом скором времени выйдешь

в кондуктора!²²

– Ваше Превосходительство, – наивно хлопая глазами, поинтересовался Дмитрий, – а этот самый «кондуктор» старше генерала или нет?

Ответом ему был гомерический хохот собравшихся во круг офицеров. Даже обычно невозмутимый адмирал не выдержал и тихонько хихикал, прикрыв рот рукой. Наконец, замолчав, он вытер уголки глаз от слез и почти ласково посулил Будищеву тонким голосом:

– Я тебе, сукин сын, покажу генерала!

– Рад стараться! – снова вытянулся бывший унтер, преданно поедая глазами начальство.

– Ох, уморил, подлец!

Тем временем смеявшийся вместе со всеми Нилов подошел к Верховскому и тихо тому что-то прошептал. Владимир Павлович широко распахнул глаза в ответ и, в свою очередь, шепнул пару слов своему начальнику. Пилкин перестал хихикать и удивленно переспросил:

– Графа Блудова?

Наконец смех понемногу стих. Одни офицеры заинтересованно осматривали приборы, другие прикидывали перспективы, открываемые ими, а третьи с азартом обсуждали происхождение странного изобретателя и личную жизнь его

²² *Кондуктор* – унтер-офицерское звание в РИФ. Занимали промежуточное положение между нижними чинами и офицерами. Пользовались рядом привилегий, в том числе имели собственную кают-компанию. В современном российском флоте им соответствуют мичманы.

предполагаемого родителя.

– А на какое расстояние действует ваш телеграф? – спросил у Барановского молчавший до сих пор капитан второго ранга.

– Пока только до соседнего дома, – признал тот.

– Маловато. Но перспектива есть?

– Я уверен в этом, Степан Осипович.

– Мы знакомы?

– Лично нет, но почту за честь.

– Вы, верно, видели мои фотографии в журналах?

– Точно так-с.

– А ваш компаньон весьма оригинальный человек.

– Дмитрий Николаевич? Не обращайтесь внимания, обычный гений. Образование весьма среднее, можно даже сказать, фрагментарное, манеры тоже оставляют желать лучшего, но при всем при этом потрясающая интуиция в технике. Иной раз голову сломаешь, думая над какой-нибудь проблемой, а он подойдет эдак с усмешкой, покривится, да и сделает. Причем так, будто всю жизнь только этим и занимался.

– И ко всему этому ещё и герой войны?

– Это да.

– Храбрец, значит?

– Я бы сказал, что он человек редкого хладнокровия. Да к тому же стреляет как бог!

– Я заметил.

– Дмитрий Николаевич, – подозвал компаньона Баранов-

ский, – позволь представить тебе капитана второго ранга Макарова.

– Степан Осипович, – мягко, но решительно поправил его новый знакомый.

– Здравия желаю вашему высокоблагородию, – строго по уставу поприветствовал будущего флотоводца Дмитрий, беззастенчиво разглядывая при этом.

История никогда не была для Будищева любимым предметом. Но, как ни странно, кто такой Макаров, он помнил. Правда, портрет бородатого адмирала, висевший в музее училища, весьма мало напоминал стоящего перед ним коренастого кавторанга, но высокий лоб и живые внимательные глаза узнать было можно. В памяти быстро пронеслись основные вехи биографии Макарова. В отличие от большинства офицеров, учившихся в морском корпусе, куда брали только дворян, Степан Осипович был сыном простого матроса, дослужившегося до офицерских чинов. Только благодаря редкой удаче, он после провинциального штурманского училища был произведен в гардемарины и смог стать настоящим строевым офицером. Занимался непотопляемостью кораблей, гидрографией, спроектировал ледокол «Ермак», а потом погиб на японских минах вместе с флагманским броненосцем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.